

Ekaterina Ryzhova

МИР

где нет тебя

Екатерина Риз

Мир, где нет тебя

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24432377
ISBN 9785448533716*

Аннотация

Трудно жить, зная, что наделал в жизни ошибок. И молодость – не оправдание. А смириться с тем, что в прошлом остался любимый человек, ещё труднее. Но жизнь не замирает, она бежит вперёд, и отставать нельзя. И поэтому бывшие супруги строят свои, отныне параллельные друг другу, жизни. Но что будет, если судьба решит поглумиться и вновь сведёт бывших супругов, до сих пор обиженных и не простивших друг друга? И вдруг окажется, что мир, где они были не вместе, не такой уж правильный и реальный...

Содержание

1	5
2	39
3	72
4	103
5	138
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Мир, где нет тебя

Екатерина Риз

Дизайнер обложки Екатерина Риз

© Екатерина Риз, 2017

© Екатерина Риз, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-3371-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Странно, но особой горечи не чувствовалось. Лана понимала, что это неправильно, и, наверное, с ней что-то не так, видимо, сама судьба над ней смеётся, ведь именно сейчас рушится её второй брак, а она зла, а не огорчена. Зла на мужа, зла на себя, на жизнь, за то, что всё повторяется. Вот только ей уже не двадцать, чтобы развестись и искать повод радоваться своей свободе, и к тому же она планировала прожить со Славой всю оставшуюся жизнь. Именно планировала, но, по всей видимости, только планов мало. От планов люди устают. И сейчас она может лишь наблюдать за тем, как мрачный пока ещё муж расхаживает по просторной гостиной их дома. Слава подбирает слова, но тоже злится и выходит у него не слишком хорошо. Настолько, что Лана решила ему помочь. В конце концов, они прожили вместе семь лет, она успела его узнать. Что-что, а подмечать мелочи поведения и характера людей она научилась. Но, как выясняется, это совсем не помогало ей в жизни, потому что она предпочитала отмахиваться от того, что видела, и надеяться на лучшее. А лучшее если и приходило, то на время. А потом случалось вот такое.

– И кто она? – спросила Лана, рискуя попасть под серьёзную раздачу. Слава злился, а её тон прозвучал едва ли не равнодушно. Какому мужику это понравится, правда? Он, ви-

дите ли, собирается её «убить и уничтожить» своим уходом, а ей безразлично. Но безразлично Лане не было, но и задохнуться от огорчения и безысходности она не собиралась. В данный момент она старательно анализировала происходящее.

Вячеслав Игнатьев, преуспевающий в своей области столичный бизнесмен, остановился и глянул на жену с претензией.

– Тебя только это интересует?

– На данный момент, да, – не стала она спорить. – Должна же я знать, кому проиграла.

– Лана, перестань, – невежливо оборвал он её. – Все ваши женские штучки...

– Наши женские штучки, Слава, придуманы и существуют для вас, драгоценных.

– Мы скандалим?

– Нет. – Она головой покачала. – Кажется, ты меня бросаешь.

Он поморщился от её прямоты. И снова к жене присмотрелся, старался разглядеть в её лице намёк на отчаяние. Но Лана смотрела на него прямо и открыто, во взгляде вызов, а лицо, как майская роза. Если честно, то в этот момент Вячеслав усомнился в своём решении. Вдруг вспомнилась их первая встреча, когда он увидел молоденькую девочку с на удивление серьёзным взглядом, и застыл перед ней. На самом деле заинтригованный и поражённый. И, на-

до признать, что за годы брака, а их было не так уж и мало, целых семь, внешне Лана ничуть не изменилась. Всё также прекрасна и свежа. А он от этого устал?

Но её замечание по поводу «бросаешь», заставило его занервничать. Игнатьев странно повёл шеей, а от жены отвернулся. Лана же печально улыбнулась, пользуясь тем, что муж её улыбки видеть не может.

– Наверное, нужно было прислушаться к гулу толпы, – проговорила она негромко. – Или к шёпоту за спиной. Но ты учил меня никогда этого не делать, и я, видимо, слишком хорошо усвоила урок. Зря.

– А что, говорили?

– А ты не замечал? Слишком увлечён был?

Он обернулся.

– Кто говорил?

Она едва заметно пожала плечами.

– Ты знаешь.

– Столичные сплетницы! – разозлился Слава.

– Это твой круг общения, милый.

– Не говори так, не говори со мной тоном, словно я тебя в пруд с крокодилами бросил.

– Не буду. Хотя, сравнение довольно точное.

Игнатьев глянул насмешливо.

– Вот только ты, родная, не возражала.

Лана руками развела. Кивнула.

– Я алчная. И сама разбавляю круг столичных сплетниц.

Ты же знаешь.

– Вот-вот.

– А ты, видимо, нашёл себе полевой цветок. Невинный и чистый. Кто она, Слава, модель? Актриса?

Игнатьев упёр в неё тяжёлый взгляд. Затем сказал, вроде как с недоумением.

– Ты злишься на меня.

– Ты меня бросаешь! – возмутилась Лана. С кресла поднялась, намереваясь уйти, но Игнатьев встал у неё на пути.

– Нам нужно поговорить.

– О чём? Ты говоришь какими-то недомолвками, ничего рассказывать ты не желаешь, а от меня ждёшь... чего? Сочувствия, поддержки?

– Я жду от тебя искренности, Лана. Заметь, уже семь лет жду.

Она старательно подавила вздох, на секунду внутреннее напряжение дало о себе знать, и Лана отвела глаза в сторону. Это было ошибкой, а Слава и вовсе расценил, как признание вины.

– Именно об этом я и говорю, – процедил он сквозь зубы, обрадовавшись тому, что появился достаточный повод обвинить её.

– Я всегда была с тобой честна, Слава. У тебя нет причин винить меня во лжи или в том, что наш брак не так идеален, как тебе бы хотелось.

– Я не хочу идеальности, любимая. Хотелось бы хоть из-

редка видеть огонь в твоих глазах. А ты прекрасна и также холодна.

– Ну, хоть прекрасна, – проговорила Лана еле слышно, аккуратно обходя мужа.

– Считаешь, что я не прав?

Лана успела дойти до двойных дверей, но, услышав вопрос мужа, обернулась. Не могла ничего с собой поделаться, захотелось ответить. В пылу чувств даже развела руками, взглянув на мужа с обвинением.

– По-твоему, я холодна? Я не понимаю, в чём это заключается. Я плохая жена? Я недостаточно тебя любила, заботилась о тебе? О нашем доме. Думала о благополучии и репутации семьи. Слава, твои родители всему этому меня учили, как ты сам говорил: ты взял в жёны молоденькую провинциалку, и они старательно лепили из меня подходящую для тебя жену. А теперь ты недоволен результатом? И, по всей видимости, решил найти мне замену, чтобы самому создать нечто отличающееся, но зато идеальное. Флаг тебе в руки, дорогой! Заведи себе новую игрушку, она будет вешаться тебе на шею, облизывать, и не будет холодна!

– Хочешь сказать, что я виноват во всём?

– А ты хочешь сказать, что я?

Игнатьев в раздражении выдохнул, упёр руки в бока. А потом взял и задал самый глупый вопрос, который может задавать взрослый мужчина. Лана искренне так считала. Он взял и спросил:

– Ты меня любишь?

Она выдержала секундную паузу, после чего сказала:

– Ты не должен меня об этом спрашивать.

– Вот именно, – разъярился он. – Я не должен тебя об этом спрашивать, я должен это знать! Просто знать, понимаешь?

– А ты не знаешь? – Лана вернулась к нему, подошла совсем близко. – Что такое любовь, Слава? Бесконечные поцелуи, слова, обещания? Или это то, что я делаю для тебя изо дня в день? Делаю всё так, что тебе завидуют все твои приятели и партнёры по бизнесу. Когда я помню и знаю всё, что ты любишь, предугадываю каждое желание, каждое твоё действие. Когда ты появляешься на людях, тебе завидуют и с тебя берут пример. Ты никогда не задумывался, почему так происходит? Потому что я, как ты говоришь, прекрасна, но холодна. Я не девочка из деревни, Слава, не восторженная дурочка. Я жена солидного, преуспевающего человека. – Лана выдохнула и покаянно кивнула. – Но, как я понимаю, почти бывшая. Но я это переживу.

– Не сомневаюсь.

– И не сомневайся.

Очень захотелось дать мужу в лоб. Или сделать ещё что-нибудь, столь же дерзкое и глупое. Как когда-то. До брака с Игнатьевым Лана могла позволить себе быть безрассудной, порой взорваться и, как говорили, умела скандалить. По крайней мере, первый муж её в этом уверял. А жизнь со Славой сделала её уравновешенной и вдумчивой. В пер-

вые годы брака свекровь её откровенно дрессировала, скажем прямо, была недовольна выбором сына, так и не смогла простить Лане её провинциальности, которую видела в каждом её жесте и слышала в каждой фразе. Отношения с любимой свекровью были сложные, изначально не склеились, но, оглядываясь назад, Лана понимала, что ей есть за что сказать «спасибо». Она стала идеальной женой преуспевающего столичного бизнесмена. Это понимали и спешили оценить все их знакомые. Но, как выясняется, все, кроме любимого мужа. Ему она угодить так и не смогла. А ведь когда-то Слава отстаивал свой выбор и свою любовь, как лев. Лана поднималась по широкой лестнице на второй этаж, а подумав про льва, оглянувшись, на мужа посмотрела. Оценивающе и изучающе. Если сегодня Слава и был похож на льва, то мечущегося в клетке. И несколько потрёпанного. Нет, за годы брака он не стал выглядеть хуже, не потерял форму, люди его полёта редко некрасиво седеют, лысеют и обзаводятся пивным животом. Они за собой следят, с таким же вниманием, как и за своими капиталами. Это имидж и репутация. Но, надо признать, что Лана за шикарной львиной гривой и повадками давно разглядела недостатки и бесконечные сомнения. Была у мужа такая черта, неприятная и для Ланы непонятная: он всегда и во всём сомневался, даже в мелочах. Правда, ему это помогало в бизнесе, Слава всегда был осторожен, продумывал каждый шаг.

А она его поддерживала. Семь лет. Выслушивала, поддер-

живала, давала совет, если он просил. Но никогда не лезла вперёд. Она ведь идеальная жена, и свекровь учила её именно этому: мужа уважать, безмерно, и не забывать им хвастаться перед подругами. Потому что в их окружении друзей нет. Есть только партнёры по бизнесу.

Наверху лестницы встретила с молоденькой домработницей. Та смотрела на неё заискивающе, теребила передник. Явно слышала, если не сам разговор, то повышенные тона хозяев.

– Светлана Юрьевна, ужин подавать в обычное время?

– Поинтересуйся у Вячеслава Дмитриевича, Маша. Если у него аппетит не пропал, то ужин можно подавать. Я буду у себя в комнате, и прошу меня не беспокоить.

– Принести вам чай?

– Нет!

Срываться на прислуге точно не дело.

Лана заставила себя сделать вдох, свернула в коридор и замедлила шаг. Шла по ковровой дорожке и оглядывалась. Если честно, пыталась представить свою жизнь без этого дома. Почему-то никогда не думала о том, что их со Славой брак окажется под угрозой. Она столько сил вложила в их отношения, была довольна их браком, выстраивала и планировала совместное будущее. И радовалась тому, что они в самом начале семейной жизни научились договариваться друг с другом. Как выяснилось, брак – это не так сложно, нужно лишь хотеть разговаривать с любимым человеком, слы-

шать его и находить компромисс. Даже если тебя саму что-то не устраивает, порой необходимо уступать. В своём первом браке Лана этого не знала. Мама не объяснила, а, скорее всего, сама эту науку так и не постигла, и дочери не объяснила, и та по молодости и глупости успела наделать ошибок. Которые очень старалась не повторить. А теперь, совершенно неожиданно для себя, осталась у того же разбитого корыта. И это обескураживало. Любимая почившая свекровь наверняка бы такому исходу если не порадовалась, то выдала бы нечто сакраментальное о том, что от судьбы не уйдёшь. А её судьба – провинция. Столица не слишком добра к приезжим.

– Ты представляешь? – Лана всё же позволила себе выдохнуть в негодовании, правда, в телефонную трубку и понизив голос. Вернулась к двери супружеской спальни и повернула ключ в замке. Видеть мужа в ближайший час желания не было. – Он фактически дал мне отставку!

Фрося, в миру Афродита, именно под этим именем её знали поклонники её певческого таланта, кстати, их было не так мало, её последний хит уже которую неделю крутили все радиостанции, зловеще хмыкнула.

– У меня есть визитка хорошего адвоката. Из элиты. Но лучше наймём киллера.

Шутить у Фроси не получалось, никогда, но она наотрез отказывалась признавать этот факт. Да и сейчас она не шутила, скорее, переживала за Лану, и та это ценила. Приятельниц в Москве у неё было немало, в основном, это были жёны

друзей и партнёров по бизнесу Славы. С ними приятно было встречаться за обедом, сплетничать, смеяться, ходить по магазинам, но среди них точно не было таких, кому можно было бы позвонить в трудную минуту и пожаловаться на жизнь. Просто потому, что они все были в одинаковых условиях, и обязаны были поддерживать репутацию именно своего мужа, а личную информацию могли использовать против тебя же. Лана никому из них не доверяла, даже тем, с кем прилюдно обнималась и называла лучшими подругами.

Фрося не была ничьей женой, никому ничего не была должна, на мир смотрела через тёмные очки, а не через розовые, и даже своего продюсера люто не любила. Именно так она говорила: люто не люблю. И не только его. Могла ткнуть пальцем в знакомую физиономию в ресторане и заявить:

– Пересадите нас подальше, люто не люблю того типа.

И так выходило, что Фрося в Москве была единственным человеком, кому Лана стопроцентно доверяла. И от идеи с киллером решила отговорить, подруга всё-таки.

– Нас посадят, Фрося.

– Глупости. Мы найдём хорошего.

Лана присела на постель, на несколько секунд прикрыла глаза. Вдруг ощутила насколько устала.

– Не хочу я его убивать. Фрося, я даже не расстроена. Я просто не понимаю, как это случилось.

– А как это обычно случается? Появилось свежее мясо, покрутило задницей, похлопало длинными ресницами...

– Я сразу представила пастбище, – перебила её Лана.

– Не буду спорить. Но Славочка, конечно, дурак. Променять тебя на какую-то тёлочку. Он давно на себя в зеркало смотрел?

– Он каждое утро на себя смотрит, и могу тебя заверить, себе нравится.

Фрося фыркнула, мрачно и пренебрежительно.

– Меня это не удивляет. Мужчины – существа самовлюблённые и бесполезные. Мой предпоследний муж обожал смотреть на себя в зеркало. При этом был волосат, как обезьяна. Ты помнишь Артура?

– Конечно, я помню Артура, – отозвалась Лана. – Ты развелась с ним год назад.

– Ах да. Прошёл год. – Фрося выдала печальный вздох, после чего поинтересовалась: – Что мы будем делать, воевать?

– Я хочу её видеть, Фрося. Я хочу знать, кто она.

– Ого. – Подруга, кажется, впечатлилась. – В твоём голосе я слышу угрозу всему человечеству.

– Фрося, через несколько недель мне исполнится тридцать.

– Трагическая дата. Я её пережила, ты знаешь.

– И знаю, и помню. И не хочу переживать также. У меня семья, в конце концов. И я довольна своей жизнью. Почему я должна что-то менять из-за того, что Славе шлея под хвост попала?

– Ему не под хвост попало, дорогая, а под другое место.

– Мне всё равно!

Словно подслушав или на расстоянии почувствовав, что говорят о нём, Игнатьев постучал в запертую дверь. Постучал довольно настойчиво.

– Лана, мы не договорили!

– Слышишь, – негромко пожаловалась она в трубку, – мы с ним не договорили.

– А до чего он собирается с тобой договориться?

– Судя по всему, до развода.

– Мерзавец. Лана, хочешь, я приеду? Приеду и всё ему выскажу!

– Я и сама всё ему выскажу. – Лана вздохнула, поглядела на дверь, которая вдруг начала сотрясаться под кулаком мужа. Надо же, сколько страсти и нетерпения. За годы брака она такого и припомнить не могла.

С Фросей пришлось проститься, с кровати поднялась и прошла к двери. Повернула ключ в замке. А у мужа строго поинтересовалась:

– В чём дело?

Игнатьев в спальню вошёл, огляделся, будто ожидал какого-то неприятного сюрприза. Не дождался, и тогда обратил взгляд на жену.

– Я не хочу ругаться, – сказал он.

Лана удивлённо вздёрнула брови, но Слава этого, слава богу, не заметил. Продолжал нервно озираться. Даже захо-

телось спросить у него, что именно он высматривает. В собственной спальне.

– Это хорошо, – решила согласиться она. – Я тоже ругаться не хочу.

– И что ты предлагаешь?

Впору было рассмеяться.

– Я предлагаю? Милый, ты пришёл ко мне и сказал, что спишь с какой-то молодой красоткой, а выход предлагаешь найти мне? Что ж, если тебе так будет легче, я могу дать тебе своё благословение.

– То есть?

Лана недовольно поджала губы, присела в кресло и повела напряжёнными плечами.

– Если у тебя период влюблённости и сексуальной активности, я могу закрыть на это глаза. Развлекись.

Игнатьев замер перед ней, обдумывал, после чего моргнул. Выглядел ошарашенным. Затем поинтересовался:

– Ты мне это так спокойно говоришь? Что я могу идти по бабам, а ты подождёшь меня дома?

– А ты собираешься по бабам? Всё так серьёзно?

– Лана, хватит! Думаешь, я не понимаю, что ты сейчас издеваешься надо мной? С Фроськой поговорила, она тебе подсказала, как выгоднее мужика на бабки кинуть?

– Ты о чём?

– Ты прекрасно знаешь о чём! Чтобы вся Москва узнала, что я тебе изменяю, чтобы ты меня потом в суде раздела до-

гола?

Лана резко вскинула голову.

– В каком ещё суде?

– Мы говорим с тобой о разводе! – Игнатьев даже выругался, а вот Лана вскочила.

– Мы не говорим с тобой ни о каком разводе! Мы говорим о том, что у тебя крыша поехала, от новых впечатлений!

– А я говорю, говорю о разводе! И говорю, как есть, честно!

Она качнула головой.

– Ты сошёл с ума.

– Я уже говорил с адвокатом, – тише оповестил он. И они замерли друг перед другом, глядя в глаза. Слава ждал её реакции, а Лана понятия не имела, как отреагировать. Ещё полчаса назад, когда муж первый раз намекнул на развод, она разозлилась. Разозлилась, но не поверила, они скандалили, предъявляли друг другу претензии, но такое уже было в их семье. За семь лет бывало многое, но без упоминания о разводе. И сегодняшнее казалось лишь развитием событий, не таким уж и серьёзным. Но вдруг выяснилось, что Слава говорил с адвокатом. Их семейным адвокатом. То есть, ей предстоит найти для себя другого?

Но проблема в том, что ей не нужен адвокат.

– Слава, тебе не кажется, что ты торопишься?

Муж упрямо покачал головой.

– Нет. Я всё решил.

– Ты решил? А меня спросить не забыл? Я не хочу разводиться с тобой.

После этих слов Игнатьев самоуверенно усмехнулся. Правда, поторопился отвернуться от Ланы, но она эту усмешку успела заметить. Стало неприятно, обидно, и она опять же не сразу нашла, как отреагировать и что сказать в ответ. И, наверное, из-за этого на какой-то момент выглядела жалко. Это было хуже всего: быть в чьих-то глазах жалкой. Пусть и в глазах мужа, можно сказать, родного человека, с которым прожила много лет.

Отвернувшись, снова села. Сложила руки на груди. Слава понял, что она молчит слишком долго, и обернулся. К жене внимательнее присмотрелся.

– Я не шучу, Лана.

– Конечно, не шутишь. Ты заблуждаешься.

Он головой качнул.

– Сейчас ты говоришь, как моя мама. Даже тон точно такой.

Замечательно. Она стала для мужа олицетворением его матери. Дожили. Лана поднялась, прошла к зеркалу и посмотрела на своё отражение. Из зеркала на неё смотрела, без всяких сомнений, молодая женщина, натуральная блондинка, правда, взгляд голубых глаз был раздосадованным. Но хотя бы не печальным или отчаянным.

Она подняла руку и поправила волосы, собранные в небрежный узел на затылке. И ровным тоном проговорила:

– Слава, я обдумую всё, что ты мне сказал.

Игнатьев откровенно закатил глаза, руки в бока упёр.

– С тобой сложно, Лана.

– Интересное замечание. Хотелось бы посмотреть на женщину, которая с благодарной улыбкой согласилась бы на развод после семи лет брака.

– Дело не в разводе. С тобой всегда было сложно.

– И как ты, бедный, жил? – проговорила она с явным намёком на издёвку. – Мне тебя жаль.

Слава в тон ей хмыкнул, ещё секунду сверлил жену взглядом, после чего из спальни вышел. А Лана выдохнула, как только за ним закрылась дверь. Руки опустила, и некоторое время стояла, приглядываясь к своему отражению. Без всяких мыслей в голове. Вроде бы их должен был быть целый ворох, а на самом деле пустота. Только одно слово: развод.

Внизу слышался шум шин по гравию, Лана прошла к окну и увидела, как автомобиль мужа выезжает через открытые ворота. Уехал и не простился. Можно было бы снова позвонить Фросе, ещё пожаловаться, попросить совета (хотя, Фрося человек действия, у неё советы все, как на подбор – задавить морально, уничтожить, развестись и отобрать через суд всё, что будет возможно), но в данный момент Лана не хотела ни с кем говорить. Хотелось тишины, всё обдумать и понять, что же ей делать дальше.

Дело в том, что она вполне искренне не рассчитывала на развод. Их отношения со Славой казались незыблемы-

ми, их брак был спокойным, уравновешенным, и даже если они ругались или скандалили, то довольно быстро приходили к общему решению. Лана давно привыкла к образу жены предпринимателя, Игнатьевы вели определённый образ жизни, ещё до того, как она вошла в их семью. И ей пришлось вникать и вливаться в общую атмосферу, искать подход и подстраиваться под поведение, характеры и привычки. Родители Славы были людьми с несколько авторитарным подходом к семейной жизни, сына воспитывали в строгих рамках, и ещё поэтому Лана была уверена, что муж о разводе никогда не помыслит. Его родители в браке состояли больше тридцати лет, до смерти его отца. А сейчас, оставшись без родительского контроля, Слава, по всей видимости, решил забыть о всякой морали и броситься в омут с головой. Мария Николаевна, мать Славы, скончалась год назад, муж сильно переживал и страдал, но вскоре стал меняться, Лана отметила перемены в характере мужа. Он почувствовал себя хозяином положения и своей жизни. И вот к чему ощущение свободы привело. Он задумал оставить семью, нашёл новую любовь. Дома, рядом с ней, ему стало тесно и душно.

А ей предстояло осознать степень катастрофы, лично для себя. Она теряет мужа, теряет стабильность, привычный круг общения. А это, без сомнения, произойдёт. Так уж устроена столичная жизнь. Стоит покачнуться, и на тебя начинают показывать пальцем, мало найдётся людей, которые в трудной ситуации покажут себя твоими настоящими друзьями и то-

варищами, и поддержат. Лана была уверена, что ей рассчитывать на кого-то не приходится. Кроме Фроси. Но Фрося... Она не помощница в таком вопросе. Фрося начнёт гневаться, скандалить, прилюдно крыть Игнатьева всеми нехорошими словами, которые знает, а знает она их очень много, и всё это нисколько не улучшит положение Ланы. Слава взбесится и окончательно поставит крест на их браке и отношениях, очень жирный крест. А Фрося, в итоге, посоветует ей найти себе нового мужа, как всегда поступает сама. Для более конкретных, обстоятельных действий у неё есть продюсер, и совсем неважно, что она его периодически от души ненавидит. Тот же на ненависть и недовольство внимания не обращает, пока Афродита приносит ему деньги. Все устраиваются, как могут.

А вот у Ланы никакого продюсера нет. И у неё больше нет мужа, судя по всему, и даже адвоката нет. Только перспектива оказаться неudel от своей привычной жизни. А всё потому, что Слава вступил в фазу кризиса среднего возраста. И что-то ей подсказывает, что он не согласится на семейную психотерапию. Толка от неё Лана и сама не видела, но это дало бы им лишних несколько месяцев на обдумывание ситуации. Мужу, возможно, прочистили бы мозги (он, кстати, весьма податливый в этом плане, просто от неё за годы брака устал и как прежде не реагирует), расписали бы все последствия необдуманных решений на фоне взлёта фантазий и сексуального возбуждения на пике кризиса среднего воз-

раста, и он бы испугался, задумался, а со временем и успокоился. Но всё это требовало времени, которого Слава ей давать не хотел. Скорее всего, понимал, что она обязательно найдёт выход из ситуации, или чувствовал, что сам перегорит и разводиться передумает. Но, по всей видимости, он на самом деле решил от неё избавиться.

А что делать ей?

Как не прискорбно это признавать, но у неё за душой ничего нет. По крайней мере, сейчас Лана расценивает это, как «ничего». Когда она приехала в Москву девять лет назад, не считала себя приезжей девочкой, которая мечтает стать современной Золушкой, и из грязи выбиться если не в королевы, то в принцессы. Она не приехала с маленьким чемоданчиком, с накопленными парой тысяч рублей в кармане и не искала хоть какую-то работу. Она перебралась в столицу из Нижнего Новгорода, большого города, и не ходила по московским улицам, открыв рот от удивления. Если честно, она даже не особо стремилась в столицу, но первый брак закончился неожиданно, развод дался трудно, а ей было двадцать, и она искренне переживала и страдала. Как никогда до того, да и после. Из Нижнего захотелось убежать, чтобы что-то изменить, забыть о случившемся, и Лана собрала вещи и уехала в Москву, к престарелой тётушке. Та заведовала кафедрой в театральном ВУЗе, особой слыла экстравагантной, и с ней было весело. И, надо сказать, что отнеслась она к Лане с куда большим вниманием и интересом, чем её соб-

ственная мать, которая в тот момент была чрезвычайно занята своей личной жизнью. А на развод дочери отреагировала с недовольством и печалью. И отговаривала, как могла. Лана была уверена, что сговорившись с её первым мужем и его родителями.

Вспоминать о том времени было неприятно, даже сейчас. Лана невольно поморщилась, и посоветовала себе не думать о первом браке, как поступала все прошедшие годы. Она была молода, глупа, наивна, и Иван Сизых попросту ею воспользовался. Его мало волновало, чего хочет она от их брака, да и от него лично. Мужчины семьи Сизых отличались тем, что умели и любили командовать. Особенно, своими женщинами. При этом занимаясь и внимая лишь своим потребностям. Лана, по наивности своей, в то время не смогла ни смириться с этим, ни найти подход, и ранний брак оказался хоть и страстным, но столь же скандальным и бурным. Они с мужем бесконечно выясняли отношения, а пару раз даже подрались. То есть, это Лана на мужа нападала, не в силах сдержатъ гнев и возмущение, а Ваня лишь мрачно щурился и грозил ей пальцем. Правильно, он её никогда не бил и даже не помышлял. Понимал, скорее всего, что ему не потребуется больших усилий, чтобы выбить из миниатюрной жены весь дух. Он принимал её буйный нрав, как неизбежность. Он всё в ней принимал, как неизбежность, что, в итоге, и послужило причиной для развода. Лана это понимала, ещё тогда. А вот Ваня нет. Он злился и вопрошал, а Лана

не могла ему объяснить. В двадцать лет у неё не хватало слов и опыта, а быть приложением к мужу и его семье не хотелось. Когда каждое твоё действие воспринималось детской шалостью, чем-то несерьёзным, а в ответ на каждый вопрос следовал совет заняться, наконец, мужем, а не ерундой, это довольно скоро порождало в душе чувство неполноценности.

Именно поэтому в качестве второго мужа, Лана выбрала полную противоположность первому супругу. Слава был спокойным человеком, по крайней мере, казался таким в период их знакомства и развития отношений. В семье Игнатьевых повышать голос считалось дурным тоном, а если необходимо было решить спорный вопрос, Мария Николаевна всегда советовала сесть и всё обсудить. И это помогало! Лана могла припомнить множество ситуаций, когда они со Славой садились друг напротив друга и обсуждали что-то неприятное и беспокоящее. Поначалу Лане подобное казалось диким, она чувствовала себя неуютно, особенно, если свекровь наблюдала за ними или прислушивалась к разговору, но сам факт того, что её не мучили вспышки ярости, и ей не хотелось вцепиться мужу в волосы, как бывало в первом браке, её радовал. Она пугала сама себя, когда начинала кричать и топтать ногами. Она ни разу не топала ногами за последние девять лет, не принимала в себе этого, и старательно гнала все эмоции, которые не в силах была сдержать или контролировать. У неё были не слишком хорошие отношения со второй свекровью, но за разумность и воспитание Лана её безмер-

но уважала. И после смерти Марии Николаевны ей не хватало ощущения спокойствия и уверенности в каждом своем действии, которые исходили от неё. Они оставили их дом, и Лана всеми силами старалась их вернуть, взрастить в себе. И пока она хотела стать благоразумнее и строже, муж начал меняться в другую сторону, пытаясь убежать от контроля. И они со Славой разминулись. Видимо, так.

Это было обидно.

Всё-таки она мужа любила. Она сказала себе, что любит, в тот день, когда дала согласие выйти за него замуж. И всегда была верна этому решению. Любила Славу, ставила его интересы превыше своих, заботилась и старалась быть женой, о которой он мечтал. У него были определённые мечты и желания, Лана была о них прекрасно осведомлена и всеми силами старалась соответствовать. А первые годы брака ей пришлось учиться, причём, всему. Но ему всё равно не хватило. Он назвал её холодной, равнодушной и обвинил в том, что не чувствовал её любви. Обидно.

Господи, как же обидно!

И пожаловаться некому. Хотелось зажмуриться, зажать уши руками и забыть о том, что Слава ей сегодня наговорил. Конечно, семь лет брака – это много. Они привыкли друг к другу, успокоились, их отношения превратились больше в дружеские, но ведь это неплохо? Мария Николаевна говорила, что это и есть гармония. Когда муж и жена не просто супруги и любовники, а настоящие друзья. Тогда почему её

сын не хочет дружить с женой, а хочет новую игрушку в свою постель, которая не будет с ним дружить, а будет устраивать ему встряски – психологические и сексуальные?

А что делать ей?

В который раз за последний час она задаёт себе этот вопрос? И, признаться, он её пугает. Отношение и решение мужа обижает, а то, что из этого следует – пугает. Как ни прискорбно это признавать, но все её достижения и заслуги – это умение ухаживать за мужем и следить за домом. Ну, и ещё выглядеть и держать себя, как и положено жене преуспевающего человека. Воспитание, внешность, умение общаться, улыбаться и быть обаятельной. И внушать всем окружающим зависть. Многие скажут, что это никакая не заслуга, и уж точно не достойно уважения, и не поверят, сколько времени занимают её усилия. Это настоящая работа. Причём, работа руководителя хоть небольшой, но действующей, как часы, компании. На этой работе не делают поблажек и не дают больничных, ты всегда должна выглядеть безупречно и должна быть готова ко всему. Ко всему, кроме развода.

Совсем скоро ей исполнится тридцать, и она не умеет ничего, кроме как заботиться о семье и доме. У неё два высших образования, два диплома, которые абсолютно никому не нужны, и ни дня рабочего опыта. Её безупречный английский и тяга к литературе девятнадцатого века никому не интересны. Слава прекрасно об этом осведомлён, но его это

не волнуется. Он уже говорил с адвокатом о разводе. Он говорил с адвокатом о разводе, а у них брачный контракт! Захотелось застонать в голос, от безысходности, но Лане вдруг почудилось, что за дверью кто-то притаился, возможно, прислуга, и она сдержалась. Закрыла глаза и откинула голову на высокую спинку кресла. Необходимо успокоиться. Успокоиться и прийти к какому-то решению.

Решить действовать или сдаться.

Вот так просто сдаться?

И никаких слёз.

Лана поднялась, прошла к двери и распахнула ту. За дверью никого не оказалось. Она выглянула в коридор, после чего позвала:

– Маша! – оставила дверь открытой и вернулась в спальню. Вошла в гардеробную. Проворная Маша заглянула в комнату уже через пару минут. Лана на неё оглянулась. – Маша, Вячеслав Дмитриевич не сказал, он вернётся к ужину?

– Ничего не сказал.

– Понятно. Тогда скажи Вите, что мне нужна машина, я еду в город. Ужинать будем поздно, что-нибудь лёгкое.

Девушка кивнула и вышла. А Лана сняла с вешалки платье, повернулась к зеркалу и приложила наряд к себе. Развод, не развод, а выглядеть надо так, чтобы ни у кого не возникало сомнений в её счастливом браке.

Благотворительный обед, один из пяти, на который она

приняла приглашение в этом месяце. Что-то понятное, стабильное и привычное. Знакомые лица, узнаваемые речи и белоснежные улыбки, порой неестественные или фальшивые. Но Лана давно научилась в этом омуте ориентироваться безошибочно, и сегодня ей от чужого притворства стало немного спокойнее.

– Дорогая, ты пришла! – Неощутимый поцелуй в щёку, пожатие руки, ослепительная улыбка в ответ на банальные расспросы о жизни. Или не такие уж и банальные? Лана внимательнее вгляделась в лицо жены партнёра Славы по бизнесу. Но за накладными ресницами так сразу и не разглядишь истинного выражения глаз. – Как у тебя дела? Я не была в Москве целый месяц, теперь совершенно растеряна.

– Всё замечательно. Впрочем, как всегда. А у тебя? Как Испания?

– Я очень довольна, и дети в восторге.

– Это главное. Что дети в восторге.

– Ещё бы Игорь побыл с нами дольше, чем три дня.

– Что поделать, мужчины всегда заняты.

– Сядем вместе?

– Конечно.

Двухчасовое общение с «подругами» заставило взбодриться. И всё-таки слухи по Москве поползли, без сомнения. Лана замечала взгляды и улавливала намёки, но старательно делала вид, что ничего не происходит. У неё всё замечательно. А под конец вечера ещё и пожертвование сделала, весь-

ма щедрое. Слава подобной щедрости вряд ли порадует, но его мнение на этот счёт Лану интересовало в данный момент меньше всего.

– Может, поужинаем вместе на неделе? – предложила ей другая закадычная приятельница, и улыбнулась чересчур ослепительно. – Приходите со Славой, посмотрите наш новый ремонт. Лана, я полностью переделала гостиную!

– Да ты что? Очень любопытно. Созвонимся, хорошо? И решим в какой день.

– Конечно, конечно. – И опять та же улыбка и взгляд с умыслом.

И всё равно она не знает, как с этим жить. Знает, как справиться, что сказать и как улыбнуться в ответ, а как жить по-другому забыла. И это заставляет нервничать.

Ещё в машине набрала номер мужа. Слава долго не отвечал, наверное, не хотел, а когда Лана всё же услышала его голос, он показался ей нервным.

– Когда ты вернёшься домой? – спросила она, решив не ходить вокруг да около.

– Не знаю, – проворчал он немного неразборчиво.

– То есть, не сегодня?

– Не сегодня.

– И ты не хочешь узнать о моём решении?

– Сомневаюсь, что ты так быстро его приняла. Это не в твоём характере.

– Понятно. И ты решил дать мне достаточно времени,

и дома не появляться?

– Лана...

– Слава, я не буду больше говорить с тобой о любви. Тебе ведь это неинтересно. Но я хочу обсудить наш брак.

– Брак или развод?

– Брак, – твёрдо проговорила она. – Люди начинают сплетничать.

– Люди всегда сплетничают. Ты сама мне об этом говорила.

– И ты не собираешься с этим ничего делать?

– Как раз-таки собираюсь.

Лана невольно усмехнулась. Самоуверенности мужа.

Автомобиль тем временем остановился, а водитель негромко проговорил:

– Светлана Юрьевна, приехали.

Она кивнула. За окно посмотрела. Машина въехала на парковку перед многоэтажным домом новой постройки и остановилась. Лана не любила этот дом, не любила эту шумную московскую улицу, поэтому со времени покупки городской квартиры бывала здесь нечасто и по необходимости. Даже ремонт и обстановку переложила на плечи наёмного дизайнера, не желая заниматься этим самолично. Но Слава настаивал, что городская квартира ему нужна и необходима, и он, на самом деле, ею пользовался и пару раз в неделю оставался ночевать, чтобы не возвращаться поздно за город. А Лана верила, и упустила момент, когда желание но-

чевать вне дома, вне её постели вышло из-под её контроля. Опять же, сама виновата.

– Лана, давай обсудим это лично, не по телефону.

– Давай, – согласилась она, продолжая смотреть за окно. – Обсудим, когда ты вернёшься домой.

– Отлично, – коротко отозвался Игнатьев, и телефон отключил.

Лана отвела от уха телефонную трубку, дала себе ещё несколько секунд, после чего открыла дверь автомобиля. Водитель было дёрнулся, собираясь выскочить и помочь ей выйти, но она остановила его жестом. Вышла и хлопнула дверью.

Здесь её никто не знал. В подъезде взглядом проводил охранник, в кабине лифта поднималась с незнакомым мужчиной, который её разглядывал, наверное, был уверен, что делает это незаметно, а Лана стояла у стенки, вскинув подбородок и разглядывая своё искажённое отражение в металлических дверях лифта. Ей было не до чужого внимания. Она собиралась застукать своего мужа с поличным. И в то же время гадала, что будет делать, если поличного не выйдет, и Слава окажется один, а то и вовсе не здесь. Но вышла на нужном этаже и достала из сумки заранее приготовленные ключи. Дома с трудом вспомнила, где лежит её дубликат, ни разу ключами от квартиры не воспользовалась, если и приезжала, то со Славой. И сейчас имела мало желания зайти, буквально заставила себя. Хотя, не представляла,

что сделает, переступив порог. Но желание увидеть и что-то понять, всю серьёзность или ошибочность своих ожиданий, было слишком велико.

В квартире явно кто-то был. Лана вошла и тихо прикрыла за собой дверь. Кажется, где-то играла музыка или радио. И пахло кофе. Обычная домашняя атмосфера, но дом чужой. Не смотря на то, что она имеет на него право. По крайней мере, пока. Имеет право заходить, включать свет, быть недовольной и даже скандалить. Она будет скандалить?

На спинке кресла небрежно лежал пиджак мужа и его белоснежная рубашка. Лана остановилась, прислушалась, а руки сами собой потянулись к одежде. Принялись её складывать. А взгляд бегал по комнате, которая казалась незнакомой, хотя, меньше года назад Лана лично утверждала дизайнерский проект и даже выбирала шторы на окна. И скатерти для столов. На которых теперь виднелись едва заметные, но пятна от чашек и бокалов. Кто-то забывал пользоваться подставками.

– Что ты делаешь?

Она обернулась на голос мужа. Вспомнила про рубашку, что ещё держала в руках, и аккуратно положила её на широкую спинку. Ладонью её пригладила.

– Здесь не убрано, – сказала она. – Домработницу необходимо заменить.

Игнатьев недовольно выдохнул.

– Лана, зачем ты приехала?

– Ты же сказал, что нам нужно обсудить всё лично. Вот я и решила не тянуть. – Она улыбнулась мужу. Обошла кресло и присела в него, разгладила на коленях подол платья. Кинула на мужа взгляд исподлобья. – Почему так тихо? Твоя пассива залезла под кровать?

– Лана.

– Она ведь здесь? Я просто хочу посмотреть.

– Зачем? Вот скажи, какой в этом смысл?

Она плечами пожала.

– Будем считать, что мне любопытно. Слава, я не уйду, пока не увижу её.

– Упрямишься? Скандалишь?

– Ты ведь именно этого хотел. Чтобы я скандалила. Чтобы тебе было проще со мной развестись. Так что, давай, похвастайся перед женой. Хочу знать, кто оставляет пятна на моих скатертях.

– Поезжай домой.

Она головой покачала.

– Нет.

– Ты приехала поговорить о Соне?

Лана помолчала, затем осторожно сглотнула и снова покачала головой.

– Нет.

– А я думаю, что дело в этом.

– Я хочу видеть, кто затаился в нашей спальне. Это ведь наша спальня? Я жена, эта квартира такая же моя собствен-

ность, как и твоя. Значит, спальня наша.

Игнатьев устало вздохнул, плечом к стене привалился. На жену смотрел и усмехался. В ответ на её усмешку. Потом за его плечом открылась дверь той самой спальни и показалась девушка. Брюнетка с короткой стрижкой, миловидная, Лана не сразу, но узнала её. Как это ни смешно, но именно с этой девушкой она когда-то, причём не так давно, обсуждала интерьер новой квартиры. Дизайнер. Не модель и не актриса. Плохо. Лана придирчиво наблюдала за ней. За каждым движением, за каждым шагом и взглядом. Нахальства в ней не видела, брюнетка явно была смущена возникшей ситуацией. На Лану смотреть остерегалась, а, обращаясь к Игнатьеву, негромко и нервно проговорила:

– Слава, я лучше пойду.

Тот зубами скрипнул, но останавливать возлюбленную не стал. Та прошмыгнула мимо него и Ланы к выходу, а та всё-таки не удержалась и в полный голос проговорила:

– Девушка, возьмите себе за правило пользоваться подставками под бокалы. Вы портите мои французские скатерти!

– Лана, ну что ты мелочишься! – не сдержался муж, а она кинула на него полный удивления взгляд.

– Я не мелочусь, Слава. Я делаю то, чему меня учила твоя мама. Забочусь о тебе, любимом. Чтобы всё вокруг тебя было идеально.

Ненадолго повисла тишина, девушка, видимо, чего-то

ждала, но затем вышла из квартиры. Дверь хлопнула, закрываясь, и снова повисла тишина, на этот раз тревожная.

– Довольна собой?

Лана печально улыбнулась.

– Нет, не довольна. Удивляюсь, как могла не замечать.

– Может, тебе было не очень интересно?

– С кем спит мой муж?

Игнатьев развёл руками. А Лана нервно пробежалась пальцами по мягкому подлокотнику.

– У тебя ничего с ней не выйдет, Слава.

– Тебе так хочется?

– Нет. Просто ничего не выйдет. Я её увидела, не могу сказать, что успокоилась, как я могу успокоиться, правда? Но теперь я знаю, что ты в ней нашёл.

– Лана, я хочу развестись.

Она обдумала его слова. И согласилась.

– Я это понимаю. Ты хочешь от меня избавиться. Чтобы стать совсем самостоятельным. Взрослым мальчиком. Я права?

– Решила поиграть в психоаналитика?

– Экономлю нам маленькое состояние. Бариновы год ходили к семейному психологу, я тебе рассказывала, потратили баснословную сумму. Даже для тебя баснословную.

– И всё равно развелись. – Слава прошёл к бару и плеснул себе в бокал виски.

– Да. И это прискорбно. Они были хорошими соседями.

– Лана, что ты хочешь?

Она улыбнулась.

– Это риторический вопрос?

– Нет, вполне объективный.

Лана снова погладила подлокотник, это действие успокаивало, хотя бы немного.

– Не думаю, что ты дашь мне, что я хочу.

– Если ты о Соне...

– Оставь Соню в покое. Не надо спекулировать ребёнком.

Игнатьев неприятно ухмыльнулся.

– Даже так.

– Ты нашёл себе игрушку, Слава. Я думаю, ты сам это понимаешь. Полную противоположность мне, тому, к чему приучали тебя родители. Вот только, что ты будешь с ней делать? Ты представляешь её на официальном ужине или приеме? – Лана даже хмыкнула, представив себе ситуацию. – Ты станешь нервничать и краснеть за неё. – Она ткнула пальцем в скатерть жемчужного цвета на журнальном столике. – А она оставляет после себя пятна.

– С чего ты взяла, что это она?

– Слава, ты бокал салфеткой держишь.

Игнатьев глянул на свою руку и хмуро сдвинул брови.

– А тебе жаль, что рядом нет прислуги, чтобы пальцами щёлкнуть. Да, дорогая?

Лана посверлила его взглядом, после чего поднялась с кресла. А в ответ на его вопрос, больше смахивающий

на обвинение, решила согласиться.

– Да, жаль. Но я завтра же позвоню в кадровое агентство и решу этот вопрос.

– Не сомневаюсь.

Лана мужа разглядывала. Слава был недоволен,пил виски и морщился, от неё отворачивался. Но она всё-таки спросила:

– Ты остаёшься ночевать здесь? Домой не поедешь?

– Нет.

Лана вздёрнула нос, стараясь показать, что его категоричный отказ её нисколько не задевает.

– Что ж, я не буду говорить, что ты делаешь ошибку. Но, смею тебе напомнить, что послезавтра годовщина смерти твоей мамы. Придут люди, и я не думаю, что это подходящий день демонстрировать в открытую наши возникшие проблемы.

– Возникшие проблемы! – не сдержавшись, повторил за ней Игнатьев, в возмущении.

– Назови по-другому, – отозвалась Лана. Кинула на мужа последний раздосадованный взгляд и направилась к выходу.

Всё-таки Лана ждала, что муж одумается и приедет домой. Если не ночевать, ведь ему нужно время, чтобы всё обдумать, всё, что она ему сказала, то утром наверняка появится на пороге. Хотя бы в попытке быть разумным и рациональным человеком. Но Слава не приехал. Это было горько осознавать, особенно на фоне готовящихся поминок, в дом должны были прибыть родственники и друзья семьи, чтобы почтить память Марии Николаевны, а семьи, кажется, уже нет. А ведь Лана честно собиралась приложить все усилия, чтобы не допустить подобного. Но к чему, точнее, к кому прикладывать эти самые усилия, если муж не желает её видеть?

Неужели на самом деле с той, другой?

– Дизайнер? – Фрося нахмурила рыжие брови идеальной формы. Расхаживала по гостиной Игнатьевых, поглядывала по сторонам, словно была здесь впервые, но на самом деле смотрела на приготовленные для гостей столы и сверкающую посуду на них. В доме было непривычнолюдно, пришлось нанять дополнительный обслуживающий персонал на эти дни, они шмыгали по коридору, как тени, и этим немного напрягали хозяев. Точнее, Лану. Она старалась не обращать внимания, а вот Фрося хмурилась и провожала незнакомцев взглядом.

Лана поднялась, прошла к дверям столовой и прикрыла их, чтобы оградить себя и личный разговор от чужих ушей и глаз.

– Ты её видела, – сказала она подруге. – Такая тёмненькая, с короткой стрижкой.

– Ты всерьёз считаешь, что я их запоминаю?

Лана вздохнула.

– Не считаю. Но мне от этого не легче.

– И что ты собираешься делать?

– Я думаю об этом.

– Думаешь? – Фрося сложила руки на груди, выразительно приподняла одну бровь. – О чём тут думать? Надо объяснить этой девчонке суть игры. – Она вдруг запнулась, а в глазах вспыхнул неподдельный интерес. – Или она не такая уж девчонка?

Лана пожала плечами, можно сказать, что безразлично. А вот по гостиной прошлась, нервно сцепив руки. Подошла к окну, понаблюдала, как суетятся рабочие в саду, вычищая гравиевые дорожки и подстригая кусты.

– Мне кажется, что она здесь не при чём. Не будет её, будет другая. Дело в Славе.

– Это плохо. – Фрося села в кресло и шикарно закинула ногу на ногу, будто за ней в этот момент мог наблюдать сам Брэд Пит. Пита не было, а стремление к шику жило и не угадало в Афродите ни на минуту. Иногда Лана думала о том, как они смогли подружиться. Совершенно разные. Фрося из-

за своей эпатажности, граничащей с простотой, не вписывалась ни в одну столичную тусовку. Она была сама по себе и именно этим сделала себе имя. Смогла привлечь внимание. Но этим же и отталкивала, потому что люди не знали, чего от неё ждать. Фрося любила говорить правду в глаза, гордилась этим и себя не сдерживала, ни в какие моменты. И с Ланой они составляли полные противоположности, хотя и приехали обе в Москву, можно сказать, что из провинции – Лана из Нижнего Новгорода, а Фрося из Новосибирска, и даже в один год, как выяснилось позже. Но на этом все сходства заканчивались. Лана всегда старалась руководствоваться голосом разума, жила этим, сделала выбор в пользу мужа и семьи, слушала свекровь и даже уважать её старалась, никогда не оспаривать её мнение, в угоду мужу, посвятила себя Игнатьевым, взяв их фамилию, заперев собственные эмоции, а самое главное, всяческие недовольства глубоко внутри на ключ. А вот Фрося жила чувствами, сама представляла собой бурю, вулкан страстей. И когда они впервые столкнулись на какой-то столичной тусовке, Лана лишь подивилась внешнему яркому виду новой поп-дивы, совершенно не представляя, о чём с той можно поговорить. Но так вышло, что однажды стала свидетельницей некрасивой сцены. Фрося ругалась со своим продюсером, который по совместительству был на тот момент её мужем, видела, как Фрося переживала, и это переживание переливалось через край, через её бурную реакцию и даже отборную ругань. И видела,

как девушка потом плакала, зажавшись в угол в одиночестве. Никто бы, да и сама Лана, не подумала, что насмешливая и крикливая Афродита, с её надменным взглядом, может реветь в голос. Как порой случалось с Ланой, наедине с собой, за закрытой дверью ванной комнаты, только она и её тяжёлые, неприятные мысли и воспоминания. И поэтому она первой подошла к Фросе и заговорила с той. Так и подружились, вопреки всему. У Ланы, соответственно её положению в обществе, было достаточно забот, домашних дел и обязанностей поддерживать приятельские отношения с жёнами партнёров по бизнесу мужа, на всё это необходимо было время. Но Фросе можно было позвонить и просто поболтать. Обо всём и в то же время ни о чём. Лана считала это огромной ценностью в своей повседневной жизни. К тому же, Фрося неизменно вставала на её сторону. А это и есть настоящая дружба. По крайней мере, другой Лана не знала. Ей не слишком везло на закадычных друзей, даже в юности.

– Он хочет со мной развестись, – негромко проговорила Лана, тоже присаживаясь и уходя от прямого взгляда подружки. – Он решил, понимаешь? Он разговаривал с адвокатом.

Фрося округлила глаза.

– С адвокатом? – И с детской непосредственностью призналась: – Не люблю адвокатов.

Лана же нервно сцепила пальцы.

– Фрося, это очень серьёзно.

– Конечно, серьёзно! Когда тебя бросают из-за какой-то

непонятной девицы, которая занимается тем, что подбирает обои в твою спальню!

– Да причём здесь это? Мне не важно, с кем он... То есть, важно, конечно, – Лана даже рукой в порыве чувств взмахнула, – он же мой муж. Но развод... – Она на подругу взглянула, с намёком. – Я останусь ни с чем.

Фрося помолчала, затем недоверчиво усмехнулась, вмиг став серьёзной.

– Не может быть.

Лана плечами пожала, вроде смутившись.

– Я никогда не думала, что так случится, что такое вообще возможно. Я когда-то уступила его родителям, согласилась не участвовать в семейных делах. Да и зачем? Мне было двадцать три года, Фрося, я ничего не смыслила в бизнесе. А Слава... он меня на руках носил.

– Ну, видимо, устал.

– Видимо, – повторила за ней Лана печальным эхом. Резко выдохнула и откинулась на спинку кресла, что позволяла себе сделать крайне редко, только в моменты, когда могла расслабиться в одиночестве.

– Ланочка, нужно что-то делать, – в лёгкой панике проговорила Фрося, непривычно серьёзная. Хотя, в этом как раз не было ничего удивительного. Деньги Фрося очень уважала, просто само их присутствие и наличие. – Я, конечно, тебе пропасть не дам, но, Лана, это попросту несправедливо. Неужели Игнатьев может так с тобой поступить?

– После вчерашнего разговора, я не удивлюсь.

– А как же Соня? Это бесчеловечно!

Лана на секунду прикрыла глаза, собиралась с мыслями.

Но их было немного, и все они пугали ещё больше.

– А что Соня? Соня в языковом лагере. Весьма удобно...

Фрося с кресла подскочила.

– Нужно нанять адвоката, немедленно. И самого лучшего!

Лана кинула на неё взгляд исподлобья.

– Правда? И кто его оплатит?

Фрося в первый момент в растерянности замерла, после чего махнула рукой, будто шпагу в ней держала.

– Я. Потому что я за справедливость!

– Боюсь, что это ничего не решит. – Лана грустно улыбнулась. – Что ж, не я первая.

– Лана, ты имеешь право на половину всего!

– Как-то ты размахнулась. – Лана всё же нашла в себе силы посмеяться над собой и ситуацией. – Я пришла в этот дом с одним чемоданчиком.

– И готова с ним уйти? – скептически приподняв одну бровь, поинтересовалась Фрося.

На этот вопрос Лана ответа не нашла. То есть, он у неё был, чёткий и конкретный, вот только интуиция подсказывала, что муж с её доводами не согласится. Слава не возвращался домой, не отвечал на её телефонные звонки, и Лана всё больше уверялась в том, что ситуация хуже некуда. Игнатьев вошёл в крутое пике, а она стоит на земле, глупо за-

драв голову и за его полётом наблюдает. Потому что ничего другого ей не остаётся.

Но Фрося права: как случилось так, что она, при всём своём благоразумии и аккуратности не оставила себе запасного пути для отступления? Настолько расслабилась, успокоилась, что забыла про осторожность, в своей устроенной жизни, красивом доме, закрутилась между новыми шторами, магазинами и вечерами с официальными приёмами. А теперь чувствует себя прислугой, которая вот-вот получит расчёт, потому что осточертела хозяевам.

Сколько раз она сама увольняла прислугу? Не сосчитать.

В конце концов, закончилось тем, что она наговорила мужу на автоответчик гневное сообщение. Всегда считала ниже своего достоинства общаться с автоответчиком, чьим бы то ни было, но Игнатьев попросту не оставил ей выбора.

– Слава, это переходит всякие границы. Я не знаю, о чём ты думаешь и чем занимаешься, и, если честно, не хочу знать, но люди начнут приезжать к двенадцати часам. И ты к этому времени должен быть дома. Ты слышишь? Дома! Ты, в конце концов, сын, а это поминки по твоей матери. Вспомни о совести!

Вспомнил или нет, осталось загадкой, но домой Игнатьев приехал за пару часов до означенного времени. Спокойный, безмятежный, и Лана почувствовала себя глупо. Из-за того, что нервничает и переживает, срывается на него, а ему, судя по всему, безразлично. Может, он и сообщение её не про-

слушал?

Но нет, прослушал. Потому что первое, что спросил:

– Я ведь вовремя?

Она смерила его взглядом. Гордо вскинула голову, руки на груди сложила и не ответила. А Слава прошёл мимо неё к спальне. Лана мысленно чертыхнулась, но отправилась за ним. Правда, в комнату входить не стала, остановилась в дверях и сказала:

– Костюм в чехле. Я жду тебя внизу. Ковалёвы уже приехали, я сказала, что ты уехал в город по делам.

Игнатьев кивнул. Изо всех сил пытался казаться печальным, возродить в душе ощущение горя и полной безнадёжности, что он пережил год назад после смерти матери, но сейчас ему давалось это с трудом. Лана это видела, и злилась из-за этого. Муж, кажется, упорхнул высоко в небо, на грешную землю ему падать долго. И он быстрее её вниз спихнёт, чтобы гирей на ногах не висела.

В столовую, где уже обустроились первые прибывшие родственники, настолько дальние, что никто уже толком и не помнил, кем они Игнатьевым приходятся, не помнила об этом и сама Мария Николаевна, когда была жива, Лана вошла с улыбкой. Улыбка была профессиональная, в ней невозможно было заподозрить и тени печали или переживаний.

– Слава приехал, – объявила она. – А то я уже волноваться начала. Эти вездесущие столичные пробки...

– У нас тоже пробки в последние пару лет, – в неловкой попытке поддержать разговор сказал дальний родственник, и несколько минут они все обсуждали жизнь в Рязани. Лана старательно тему поддерживала, слушала и кивала, делая вид, что ей безумно интересно. А сама то и дело кидала взгляд на лестницу, ожидая появления мужа. Тот спускаться в столовую не торопился. Изверг.

– Лана, а твоя мама не приедет?

– Мама? – Лана от неожиданности вопроса даже переспросила. Но тут же приказала себе взбодриться. – Нет, мама, к сожалению, не смогла. Очень переживает, с Марией Николаевной они всегда ладили.

Родственники дружно и сочувственно закивали. Про то, как мама Ланы и её свекровь ладили между собой, можно было снять фильм, триллер. В конце концов, после нескольких бесплотных попыток найти общий язык, мать Ланы, в свои нечастые визиты в Москву, перестала останавливаться в доме Игнатьевых. Это было верное решение и устроило всех. Да и Лана отдавала себе отчёт в том, что её родительница является человеком своеобразным, и даже ей, дочери, не всегда удаётся её понять. Мотивы, поступки, выводы, которые та делает. В отличие от родителей Славы, её мать была ещё достаточно молодой женщиной, едва перешагнувшей пятидесятилетний рубеж. Лана была единственным ребёнком, давно с матерью не жила, и никаких проблем на плечи той не перекладывала. И их отношения, по мнению Ла-

ны, довольно давно перестали быть похожими на отношения матери и дочери. Напоминали больше дружеские. Или приятельские, потому что виделись и общались они не так уж и часто, скорее, по необходимости. Личная жизнь мамы была ключом, её последний муж без конца преподносил ей сюрпризы, все, как один, неприятные, и Любовь Аркадьевна больше думала и занималась им, чем жизнью и проблемами дочери. Лана была замужем второй раз, у неё был ребёнок, полноценная семья и достаток, и Любовь Аркадьевна искренне считала, что сделала для единственной дочери в своё время всё возможное. Научила всему, чему могла, и та, благодаря её урокам и жизненному опыту, так удачно устроила свою жизнь. А ей, ещё достаточно молодой женщине, пришла пора заняться своей.

Лана с выводами матери никогда не спорила, и когда та начинала вслух рассуждать о своей роли в жизни дочери, лишь кивала, но на самом деле особо не вслушивалась. Прекрасно знала всё, что мать ей скажет. А если и беспокоилась, то не за себя, а за мать, которой в личной жизни никак не везло. С последним мужем она прожила больше десяти лет, замуж вышла ещё до того, как Лана ушла из дома, в семью первого мужа. И Лана порой, в минуты жалости к себе и попытке всё заново переосмыслить, раздумывала, а не из-за этого ли она так заторопилась замуж? Отчим был человеком неплохим, насколько Лана могла судить, но особо сближаться и узнавать его, она не стремилась, а когда он переселился

в их дом, почувствовала себя лишней. Мама была всерьёз им увлечена, влюблена, буквально летала над землёй, наверняка чувствовала себя молодой и счастливой, и взрослая дочь никак не вписывалась в её радужную картину мира. А тут так удачно всё получилось с замужеством. Лана прекрасно помнила, что мама была довольна её предстоящим родством с семьёй соседей. Довольна выбранной ею партией, безмерно уважала родителей первого мужа Ланы и искренне считала, что замуж дочери совсем не рано. С Ваней Лана встречалась уже пару лет, отношения развивались бурно и страстно, и когда к её девятнадцати годам заговорили о свадьбе, родители, и его, и её мама, спорить не стали.

Оглядываясь назад, Лана понимала, что если её дочь окажется в подобной ситуации, она радоваться и подталкивать её к раннему браку не станет. Какая бы любовь ни случилась. На своём опыте выяснила, что обдумать нужно всё не просто несколько раз, а десять, двадцать. Всё взвесить и попытаться заглянуть на несколько лет вперёд, чтобы понять, как хочется жить. Именно ей. Она же, в своё время, растворилась в первом муже, забыла о себе, а потом училась жить заново. Без него.

– Светлана Юрьевна, ещё гости приехали.

Она вдруг осознала, что пока люди вокруг неё вели беседу, интересную или не очень, она в своих мыслях улетила далеко в прошлое. Пришлось моргнуть, сбрасывая с себя не слишком приятное оцепенение, и улыбнуться. С кресла

поднялась и, наконец, увидела спускающегося по лестнице мужа. Слава выглядел молодцом, бодрым и в меру опечаленным. Всё же нашёл в себе силы изобразить скорбь.

Неправильно так думать о муже, да? Но сил на благоразумные мысли не осталось.

– Это твои родственники, – проговорила она негромко и только для него, – развлекай их сам.

Игнатьев брови вздёрнул, а Лана добавила:

– Я не знаю, о чём с ними говорить.

– Раньше знала.

– Раньше у меня была причина. Ты меня её лишил.

– Любимая, это годовщина смерти моей матери.

– Хорошо, что ты вспомнил об этом хотя бы к обеду, – зло добавила она. Вышла на крыльцо и заулыбалась вновь прибывшим гостям.

Поминки – это самое ужасное, что может быть. Человека уже нет, а собираются люди, гости, друзья и родственники и начинают рассказывать про него сказки и небылицы. Какой он был необыкновенный, душевный, замечательный и чуткий. И как все его любили. При жизни Марии Николаевны лишь малая часть присутствующих на поминках, была входя в дом Игнатьевых, других приглашали лишь по особым, редким случаям, и спорить никто не смел, а сейчас все друг другу улыбаются и врут, что общались с Марией Николаевной очень близко и всегда безмерно её уважали. И эту легенду следовало поддерживать.

Слава сидел во главе стола, с удручённым видом, лишь изредка кивал или печально улыбался, когда обращались к нему. Но Лана замечала, что муж бросает задумчивые взгляды на портрет матери на антикварном комод. Правда, о чём думал, оставалось загадкой. И Лана была бы не против её разгадать.

Серьёзно, не против? А если Слава только и думает о том, как от неё избавиться? И глядя на портрет матери, мысленно соглашается с тем, что та ему когда-то говорила. Что Лана ему не пара, уж точно в жёны не годится. Она ведь действительно знает, что свекровь так считала. Даже когда Лана, как ей казалось, стала членом семьи Игнатьевых, когда все вокруг, даже самые придирчивые родственники и друзья семьи, воспринимали её именно так, Мария Николаевна находила поводы для недовольства. Лана не так говорила, не достаточно естественно улыбалась гостям, выбирала не то платье, а мужа обожала не столь явно, как следовало. Прошёл не один месяц, даже год, прежде чем Лана научилась фильтровать претензии и пропускать их через себя, без особых для себя последствий. И даже прислушиваться к словам свекрови и делать какие-то выводы. Конечно, каждый раз было неприятно, но надо признать, что Мария Николаевна знала толк в придирках, и глаз у неё был намётан. И именно в благодарность, так сказать, за мучения и наставления, Лана сейчас принимает всех этих людей в своём доме, улыбается им и притворяется, что их семья до сих пор образец для подра-

жания. Мария Николаевна хотела бы именно этого, без сомнения.

– У вас замечательный дом.

– Вот только без Марии Николаевны он словно опустел.

– Да. – Лана вежливо улыбнулась. – Она следила за всем, даже в последние годы, когда с трудом ходила. Но была в курсе всех мелочей.

– И Сонечки нет.

– Соня в лагере, – хором ответили Лана с Игнатьевым, и переглянулись.

– В языковом, – поторопилась пояснить она. – Это пойдёт ей на пользу.

– Конечно. Она, наверное, так выросла. Мы видели её прошлым летом.

Вот тут Лана улыбнулась вполне искренне.

– Очень выросла.

– Ей нравится в лагере?

Игнатьев откинулся на спинку стула, отпил вина. Лана наблюдала за ним краем глаза, внутренне закипая. А он ещё и сказал:

– Я половину детства провёл в лагерях, и даже в интернате учился два года, пока родители жили за границей. И всё замечательно.

– Интернат – это радикально.

– Зато отменное образование. Девочки в Европе получают замечательные знания. И воспитание, манеры. Всё равно, что

Институт благородных девиц.

Лана сверлила мужа взглядом.

– Соня и без этого прекрасно воспитана, – проговорила она сдержанно.

– А кто спорит? Мы обсуждаем аспект образования.

– Образование?!

Дождаться момента, когда гости начнут разъезжаться, было очень трудно. Лана внутренне кипела, и тот факт, что у неё было достаточно времени для того, чтобы всё обдумать и взвесить то, что собирается мужу сказать, её не остудил. Последняя машина отъехала от их крыльца, они вместе со Славой вошли в дом, и она тут же набросилась на него с обвинениями, не обращая внимания на наёмный персонал вокруг.

– Ты озаботился образованием Сони?

– Не кричи.

– Ты долго думал?!

– Если хочешь знать, то достаточно. – Игнатьев прошёл мимо неё и стал подниматься по лестнице. Лана смотрела ему вслед, с огромным желанием швырнуть ему вслед какую-нибудь увесистую вазу. Но вместо этого отправилась следом, по пути наградив убийственным взглядом любопытную официантку, убирающую со стола бокалы.

– Ни о каком интернате и речи идти не может, – заявила она мужу со всей горячностью, как только вошла в спальню и захлопнула за собой дверь. – Мы с тобой об этом не гово-

рили, и я не отправлю ребёнка из дома только потому, что она тебе стала мешать!

– Не говори такие вещи, Лана. Я забочусь о девочке. Пока ты изводишь себя бездельем.

– Что?!

Игнатьев развёл руками, нахально улыбнулся.

– Что?

– Значит, я бездельница? Ты полдня сидел за накрытым столом, пускал пыль в глаза родне, и считаешь, что всё это появилось из воздуха?

– Дорогая, ты наняла сотню людей для обслуживания.

– А ты хотел, чтобы я сама бегала с подносом? Прислуживала тебе и кланялась, да?

– Не помню за тобой даже намёка на подобные желания.

Руководить – да, а что-то делать...

– Слава, ты бы заткнулся.

– Я не прав?

– А почему ты маме своей подобного не говорил? Она даже не знала, как воду вскипятить.

Игнатьев нахмурился, глянул на неё зверем.

– Тебе не стыдно? Ты в такой день говоришь о моей матери гадости.

Лана руками развела.

– Ты на её поминки явился после моего третьего напоминания!

– Лана, замолчи!

– А ты оставь моего ребёнка в покое! Со своими идеями!

– А, так это теперь твой ребёнок! – Слава издевательски ухмыльнулся. – Я уже не при чём?

– По-моему, это твоё заветное желание – быть не при чём!

Они замолчали ненадолго, Игнатьев сверлил жену взглядом, а та аккуратно обошла его и остановилась у окна. Отвернулась.

– Я хотел предложить тебе это давно, – сказал он, в конце концов. – Я думаю, Соне это пойдёт на пользу. Ты можешь выбрать школу сама, самую лучшую. У моего знакомого дети учатся в Англии, он доволен. Лана, там лучшие педагоги, девочек прекрасно воспитывают. Они занимаются танцами и ездят верхом. Никакой языковой лагерь рядом не стоит с подобной школой, пойми ты это. Я думаю о будущем Сони. Она вырастет самостоятельной и прекрасно образованной.

– Я не хочу этого слышать.

– Потому что ты упрямисься!

Она резко обернулась.

– А ты просто хочешь избавиться от меня, а ребёнка отправить в интернат! Ты всё замечательно придумал, Слава!

– Я хочу обеспечить её будущее!

– Засунь свои деньги и желания знаешь куда?!

– Куда?

Лана задохнулась от возмущения и бессильной злости. И выкрикнула ему в лицо:

– Туда! Я тебе не позволю портить жизнь моему ребён-

ку! Жаль, что тебя родители только на два года в интернат спихнули, и ты там с лошади не упал головой об землю! Или упал?

Игнатьев лишь головой качнул, глаза закатил.

– Ты идиотка.

– А ты нашёл себе умную, да?

– Знаешь, мне даже нравится наблюдать, как ты бесишься. Хоть что-то смогло тебя расшевелить. Нужно было раньше найти себе любовницу, чтобы тебя встряхнуть.

– Ты гордишься собой?

– А ты хочешь продолжать жить в этом болоте? Лана, я тону.

– Купи себе акваланг, – зло посоветовала она ему.

Игнатьев свирепо оглядел её, с головы до ног, окинул странным, въедливым взглядом, после чего негромко, но вполне отчётливо ругнулся, и из спальни вышел. Лана ненавидела себя за то, что сделала, но всё же выскочила из комнаты вслед за ним, но довольно скоро себя одёрнула. Остановилась на верху лестницы и наблюдала за тем, как муж спускается, перепрыгивая через две ступеньки. Промчался по холлу, едва не сбив с ног уборщицу, и хлопнул входной дверью, уходя. А на неё снова смотрели. Всем было ужасно любопытно, что может приключиться в до неприличия обеспеченном семействе. И, скорее всего, радовались тому, что и у них не всё ладно. А чем хуже, тем приятнее, Лана была уверена, что перехватила пару злорадных взгля-

дов.

Пришлось уйти. Вернулась в комнату, закрыла за собой дверь, и тут же почувствовала себя в клетке. Оставалось только заметаться по ней, от бессилия. Разговоры о школе-интернате в Европе для Сони её напугали. Да даже если не в Европе, от этого нисколько не легче. В кругу их знакомых были люди, чьи дети учились в подобных заведениях, Слава прав. Лана лично знала таких. И не считала их хорошими родителями, правда, мнение своё держала при себе. Говорить или осуждать кого-то в открытую, особенно по столь щекотливому вопросу, было не принято. Но она не могла понять, как это – отправить собственного ребёнка в интернат, и видеть его пару раз в месяц. Однажды Лана посетила закрытую школу в Подмосковье, приятельница забирала сына на каникулы, и Лана по случайности оказалась в попутчицах. Конечно, заведение производило впечатление, наверняка, от европейских заведений подобного типа отличалось мало, особенно внешне, но всё равно внутри поселилось неуютное чувство. Подстриженные газоны, гравиевые дорожки, здание школы, напоминающее огромный особняк в викторианском стиле, и дети... в форме, с учебниками, сдержанные и спокойные. Лане было откровенно не по себе. И для дочери она подобной участи не хотела, какие бы милости и поблажки ей не сулило это в будущем. Ребёнку, а тем более её ребёнку, нужен дом, каждый день. И мама. И её никто в этом не переубедит.

В дверь спальни деликатно постучали. Лана оторвалась от своих мыслей, выпрямилась в кресле и приказала себе встряхнуться. И только после этого разрешила стучавшему открыть дверь. В спальню заглянула домработница Маша.

– Светлана Юрьевна, уборку закончили. Я за всем проследила, и всех отпустила.

– Спасибо, Маша. Ты тоже отдыхай.

Дверь снова закрылась, Лана посидела в тишине несколько минут, после чего вышла из комнаты. В доме на самом деле стало очень тихо. И мрачно. За окном ещё не темно, но в доме полумрак. Лана спустилась вниз по широкой лестнице, постояла у окна в холле, затем прошла в гостиную. На комод по-прежнему стоял портрет Марии Николаевны, с которого она смотрела на мир с присущей ей строгостью и оттенком надменности. Зачастую кажется, что люди на портретных снимках, преследуют тебя взглядом, где бы ты ни стоял, человек на фотографии смотрит на тебя. А вот поймать взгляд Марии Николаевны было невозможно. Даже когда Лана остановилась совсем рядом и глядела на неё в упор, свекровь, казалось, смотрела сквозь неё. На что-то достойное её внимания, Лана же достойна не была. Рядом с портретом цветы в вазах, лампадка и образ Марии Николаевны среди этого. В своём доме, в привычной атмосфере, по-прежнему царила и влияла на каждое решение, принятое в этих стенах. Слава вот сопротивляться начал, сбежал, а Лана, как и прежде, руководствовалась мнением свекрови. Как

ни странно это звучит. Неужели муж прав? И она достойная продолжательница образа жизни его матери, переняла всё, что могла. При этом внутренне отталкивая и даже насмешничая. Но всё же превратилась в достойного имитатора.

Лана сжала руку в кулак, продолжая разглядывать лицо свекрови. Почему-то вспомнила сегодняшний разговор с родственниками мужа из Рязани. Как те рассказывали о своих делах и событиях в своей жизни, в своём городе. Ей было неинтересно и скучно. Рязань была лишь названием города, Лана понятия не имела, что за жизнь там. Ей не интересно было про провинциальные пробки и новый гипермаркет, признаться, она не знала нынешней жизни за пределами Москвы. За пределами центра столицы и закрытого посёлка, в котором издавна проживали Игнатьевы. И Фрося была самым экстравагантным и выпадающим из привычного круга и образа человеком для неё. Если честно, Лана не была собой довольна. В этот момент, обдумав своё положение, она была недовольна и испугана. А что она будет делать, если муж всерьёз решит выпихнуть её из замкнутого круга высших кругов столицы? И что она ему противопоставит, если он захочет «устроить жизнь» Сони? Разведёт руками и удовлетворится алиментами, которые он решит ей назначить? А много Слава не даст и ничего для неё не сделает, просто потому, что так сможет на неё влиять и контролировать в дальнейшем. А в суде будет доказывать, что она не в состоянии содержать дочь. Потому что ничего не умеет,

и ни к чему не приспособлена, только к тому, что он способен оплачивать. И тогда случится ужасное, она будет видеть дочь по часам, в его присутствии, или в присутствии адвокатов. И она себя не запугивает, в их окружении подобные истории случались не раз, и не два. И для отвергнутых жён не заканчивались ничем хорошим.

Она отвернулась от портрета, прошлась по просторной гостиной. Захотелось заорать или завывать, но побоялась, что её всё же может кто-то услышать. Та же Маша. А показать прислуге свою слабость и отчаяние было нельзя, в любом случае.

– Маша!

Девушка появилась в гостиной через пару минут, с распущенными волосами и в домашнем платье. Лана вспомнила, что уже успела отправить её отдыхать. Пришлось извиняться.

– Простите, Маша. Но мне нужно, чтобы вы вызвали для меня машину. Я уезжаю.

– Конечно. Я позвоню Мише...

– Нет, Маша. Вызовите машину из города. А я пока соберу вещи.

– Светлана Юрьевна, вы уезжаете? – Девушка удивилась и даже забеспокоилась. Так, по крайней мере, показалось, и Лане даже приятно стало, чуть-чуть. Хоть кому-то в этом доме не безразличны её действия и поступки. Но девушку всё же стоило успокоить, и для начала улыбнуться.

– Я еду к матери. У неё... проблемы. Если кто-то будет

интересоваться, именно так всем и говори. Я уехала к матери, в Ярославль.

– Хорошо.

Маша казалась озадаченной и сбитой с толку, но спорить не стала, машину вызвала. Правда, когда спустя час Лана сажалась в эту самую машину, а водитель укладывал её чемодан в багажник, переспрашивать и уточнять ничего не стала. А Лана гадала, позвонит ли она Игнатьеву и доложит ли о её поступке. Ей всегда было интересно, кому Маша больше предана в их доме – ей или её мужу. Всё-таки она проработала в их доме больше трёх лет, и определённо должна была кому-то симпатизировать.

– Куда вас отвезти? – спросил водитель, когда они выехали за границу посёлка.

– На Курский вокзал.

Несмотря на вечернее время, Москва бурлила и горела разноцветными огнями. Даже Курский вокзал, наверное, самое что ни на есть традиционное и непритязательное место в городе, жил своей жизнью. Странной и непонятной, по крайней мере, для Ланы. Вокзал изменился, она помнила его не таким, а ведь десять лет назад сошла с электрички именно здесь. А сейчас шла по залу и оглядывалась. Смотрела на людей, на электронное табло, один раз вынуждена была шарахнуться в сторону, чтобы не столкнуться с женщиной, обвешанной тюками. В кассе пришлось переждать небольшую очередь. Подала банковскую карту в окно и попросила:

– Билет до Нижнего Новгорода, пожалуйста.

Она ехала домой.

Мама откровенно ахнула.

– Куда ты едешь?

– Домой, – коротко повторила Лана.

В трубке повисло тягостное молчание, а Лана в это время смотрела в окно скоростного поезда, который мчал её прочь от Москвы. А Любовь Аркадьевна осторожно поинтересовалась:

– Что случилось?

Пришлось быстро глянуть по сторонам, с первого взгляда не скажешь, что кто-то прислушивается к её телефонному разговору. Но Лана всё равно понизила голос.

– Я бы не хотела говорить об этом сейчас. Но... у меня проблемы.

– Ты со Славой поругалась?

– Нет. Не ругалась. Но, мне кажется, что всё кончено.

Мама вместо того, чтобы ахнуть или неприятно удивиться, вздохнула.

– Да что за год, не зря, что високосный. Мало того, что я развелась, так теперь и ты.

– Что поделать, мама. Так где ключи от дома?

– Лана, ты же не собираешься всерьёз жить в этом доме.

– А где ты предлагаешь мне жить?

– Сними квартиру.

Лана обдумывала, после чего отказалась от этой затеи.

– Даже если я сниму квартиру, это будет временно. И я не знаю, сколько я пробуду в Нижнем. Поэтому я еду домой. В конце концов, хочу посмотреть, в каком состоянии дом.

– А как ты думаешь, в каком он состоянии? – проворчала Любовь Аркадьевна. – Он пустует почти десять лет. Мои редкие визиты и ещё более редкие квартиранты не в счёт. Боюсь подумать, что ты там увидишь.

– Посмотреть всё равно придётся. Это же моё наследство.

– Да уж, твой папочка твоё будущее обеспечил. Откупился этой развалюхой, и умотал на север.

– Раньше он не был развалюхой, и ты его любила.

– Кого?

– Дом. Но, смею надеяться, что и моего отца. Хоть немного.

– Неприятная тема на ночь глядя, – недовольно проговорила Любовь Аркадьевна. Затем добавила: – Ключи у риелтора, я ей позвоню, чтобы она тебя встретила утром.

– Спасибо, мама.

Она уже собиралась прервать разговор, как снова услышала осторожный голос матери:

– Лана, ты уверена, что тебе стоит туда возвращаться?

На этот раз она вздохнула, машинально вытянула руку, чтобы оценить безукоризненность маникюра. Ничего не видела, если честно, перед глазами пелена от волнения.

– Во-первых, у меня нет выбора, а во-вторых, всё это дела минувших дней. Всё давно прошло, ты же понимаешь.

– Да уж, прошло... – проговорила Любовь Аркадьевна недоверчиво и попрощалась, прежде условившись с дочерью связаться утром.

А Лана, после разговора с матерью, неуютно повела плечами и вновь отвернулась к окну. Она ехала из круговорота одних проблем в другой, правда, с истёкшим сроком давности. В серьёз надеялась, что бывшего мужа поблизости не окажется. В конце концов, прошло десять лет, и в его жизни тоже должно было что-то измениться. Не может же он до сих пор обретаться в пригороде, где они вместе выросли.

Подумав о прошлом и бывшем муже, Лана трусливо поспешила переключиться на мысли о доме. Большой, двухэтажный, с балконом и красной черепичной крышей, он ещё во времена её юности выглядел обветшавшим и мрачным, даже чуть покосившимся. Деревянный балкон опасно крепился, полы под ногами скрипели на все лады, в щели сквозило, а свет без конца мигал. Но всё равно это был самый замечательный дом на свете, Лана его очень любила. И свою комнату на втором этаже, на подоконник которой летом ложились ветви яблони. Отец, которого Лана помнила достаточно смутно, оставил ей дом перед отъездом на север, где собирался жить и работать. С мамой они разошлись, когда Лане исполнилось пять, он ещё пару лет прожил в Нижнем Новгороде, после чего засобиравшись уехать, не особо печалась о том, что не будет видаться с дочкой. Переписал на её имя бабкин дом и отчалил, пообещав не пропадать и вовремя пе-

речислять алименты. Забыл о своём обещании он довольно скоро, но Лана знала, что на данный момент он проживает в небольшом городке Ямало-Ненецкого автономного округа, женат, воспитывает двух сыновей, а про старшую дочь вряд ли вспоминает. Правда, Лана не особо грустила и переживала по этому поводу, а нашла отца только потому, что была такая возможность. Приятель Славы служил в ФСБ, и просьбу её выполнил с лёгкостью, но что делать с полученной информацией, Лана так и не придумала. И решила просто успокоиться: отец жив, здоров, и у него всё относительно неплохо. А общаться с ним и его семьёй у неё самой особого желания не возникало. Лишь любопытство относительно судьбы родителя.

А вот за дом она была ему благодарна. Все самые главные события в её жизни произошли именно в этом доме. После отъезда отца, они с мамой переехали за город, хотя, нельзя сказать, что сельская улица на окраине Нижнего Новгорода была пригородом. Две остановки на автобусе – и вот ты уже в городе, двести метров в сторону – и школа, а через забор музыкальная гимназия. Лана успевала посещать обе. А, возвращаясь домой, наслаждалась тишиной, зеленью, свежим воздухом и пением птиц. А мама рисовала на веранде, Лана как сейчас помнила запах красок и мольберт у потёртых перил. Замечательное у неё было детство. Мамины картины не очень, а вот детство замечательное. И юность тоже. До того момента пока в их жизни не появился её отчим, и ма-

ма не сошла с ума.

Отчим – человек неплохой, и до него мама тоже не оставалась надолго в одиночестве, в их доме периодически появлялись мужчины, ухажёры, с цветами и конфетами. Лана никогда не злилась и не ревновала, но отчим внёс серьёзные перемены в их жизнь. Хотя бы в том плане, что мама сильно изменилась с его появлением. Она на самом деле влюбилась, и такой Лана её не знала. Возможно, её отец помнил первую жену такой, а Лане оставалось только удивляться. Мама вышла замуж, отчим переехал жить в их дом, и начал наводить свои порядки. Правда, руки приложил, подправил веранду и залатал дырки в крыше, и, видимо, решил, что теперь является хозяином. В их с мамой доме. А Лана никак не могла поделить свою жизнь на до и после. И, в итоге, предпочла отойти в сторону, и оставить молодых налаживать семейную жизнь. И после долго приучала себя к мысли, что её дом больше ей не принадлежит. Нужно начинать новую, взрослую жизнь, не под крышей отчего дома. А на него лишь смотреть со стороны, проходя мимо.

Кто бы знал, что эта самая взрослая жизнь поставит её в положение беглеца, и не единожды. И вот она едет обратно, чтобы спрятаться за дверь своего старого дома. Со скрипучими полами и сквозняками.

Несмотря на раннее утро, риелтор встретила Лану на вокзале и передала ключи. Она же поинтересовалась, как давно в доме никто не живёт. Женщина средних лет с усталым

взглядом вроде как оправдываться принялась.

– Пару лет сдать не можем. Дом большой, старый, ремонт необходим. Желающих нет.

– Понятно. – Лана благодарно ей улыбнулась. – Спасибо, что присмотрели.

– Вы планируете там жить?

– Пока не знаю. Я не была в доме десять лет, нужно посмотреть, что к чему.

– Что ж, удачи. Если нужны будут толковые мастера, обращайтесь. У меня муж ремонтами занимается.

– Спасибо.

Женщина предложила её подвезти, но Лана, после коротких раздумий, отказалась. Ей необходима была минута в одиночестве. Чтобы оглядеться по сторонам, осознать, что она уже не в Москве, и осознанно отправиться в прошлую жизнь.

На вокзале, похожая на столичную, суета, чемоданы и авоськи, озабоченные и уставшие от ожидания люди, поглядывающие на электронное табло. А ещё пахло какой-то отвратительной едой, чем-то жареным. Лана даже не выдержала и зажала нос пальцами, в следующую минуту, к своему ужасу, увидев, как двое мужчин азиатской внешности с апетитом жуют жирные до безобразия чебуреки. Поспешила отвернуться.

Таксист оказался словоохотливым, к чему Лана не привыкла. Водители, работающие у мужа, никогда без повода

и разрешения, беседы с ней не вели. Максимум на что решались – посетовать на погоду. А таксист рассказал ей и про погоду, и про дороги, поругал губернатора, мэра и заодно всё правительство, а затем с лёгкостью высококвалифицированного политолога, перешёл на обсуждение внешней политики и даже начал давать прогнозы. Лана, не решившаяся его прервать и попросить помолчать, чтобы она могла сосредоточиться и успокоиться перед возвращением в родные пенаты, с трудом дождалась, когда мужчина объявил:

– А вот и Восточная. Какой у вас номер дома, говорите?

– Восемь, – негромко проговорила Лана, с удивлением глядя в окно.

Конечно, удивляться было нечего. По сравнению с посёлком, в котором жили Игнатьевы, Восточная улица Нижнего Новгорода удивить не могла. Лана видела и жила среди заборов и повыше, и в домах бывала самых шикарных. Половина её «закадычных» подруг проживали на Рублёвке. Но то, что она видела сейчас, удивляло совсем по другому поводу. Улица не была похожа на улицу из воспоминаний о её детстве и юности. От бесконтрольной зелени, выбивающейся из-за заборов и палисадников, не осталось и следа, вместо накатанной земляной дороги идеальный асфальт, а по сторонам высокие заборы, заборы, за которыми виднеются черепичные крыши коттеджей. И только её дом среди этого, поблекший и накренившийся, как перезрелый гриб, с теми самыми неконтролируемыми зарослями на участке и разохшей-

ся яблоней под окнами. Когда-то вымощенная брусчаткой дорожка к крыльцу, заросла, зеленая травка весело пробивалась между камней. Черепица на крыше потемнела, а местами и вовсе съехала, оставив некрасивые следы. Краска со стен облезла, и дом из-за этого выглядел словно дворový кот с признаками стриженного лишая. А пыльные окна смотрелись тёмными ямами, Лана в первый момент даже засомневалась, есть ли в них стёкла. И это дом из её прекрасных детских воспоминаний? Как мама с отчимом переехали в Ярославль, так здесь никто и не жил, лишь пару раз удалось сдать дом на лето, но это было давно. А, как известно, дом долго пустым стоять не может, он начинает ветшать и разрушаться.

– Восьмой, говорите? – Таксист откровенно присвистнул. И тут же решил дать дельный совет. – Вы его продайте. На этой улице богачи обосновались, хорошие деньги получите.

– Спасибо, – проговорила Лана себе под нос, – учту.

На улице даже пахло по-другому. Не цветами, не травой, а разгорячённым асфальтом. Лана осталась стоять на этом самом асфальте, рядом со своим чемоданом, глядя вслед отъезжающему такси. Аккуратно покрутила головой, оглядываясь. Взгляд невольно обратился в конец улицы, где когда-то жил бывший муж. Сейчас ничего похожего на дом семейства Сизых увидеть было невозможно. Вдоль дороги тянулся высокий забор, а за ним шумели сосны. На участках

с другой стороны дороги всегда было много сосен, а сейчас они, кажется, только больше вымахали. Да и вокруг дома новые, заборы высокие, ничего знакомого и привычного. Помнится, через забор от дома Ланы жила милая пожилая пара – Нина Максимовна и Максим Петрович. Лану всегда смешили их имена, когда приходилось произносить их одно за другим. Их дом была куда меньше, чем их, а вокруг огород, с парниками и грядками. Сейчас за невысоким резным забором, среди деревьев, можно было различить дом, чем-то похожий на швейцарское шале. С другой же стороны вовсе забор трёхметровый и ничего не разглядеть. Только собаки где-то лают, кажется, как раз за этим забором.

Постояв немного на дороге, Лана взяла чемодан за ручку и направилась к своему дому. На самом деле странно, что им до сих пор не поступали предложения о продаже участка. Или поступали, и мама просто не сообщала ей об этом, зная, что она, скорее всего, откажется? Деньги ей были ни к чему, а память о детстве стало бы жаль. Даже при условии, что она никогда сюда не вернётся. Хотя, тот факт, что дом в столь плачевном состоянии, маме стоило бы до неё донести. Глядишь, не пришлось бы возвращаться и бояться ступить на крыльцо, всерьёз опасаясь провалиться.

Но дом оказался крепче, чем выглядел на первый взгляд. И доски крыльца выдержали, и дверь открыть удалось не с первого толчка, и она даже не сорвалась с петель. Правда, дверь неприятно скрипнула, а свет знакомо замигал, ко-

гда Лана повернула вертушок выключателя. Пахло затхло-
стью и пылью. От этого запаха на душе стало совсем тягост-
но.

Она вернулась домой.

Утро выдалось на редкость солнечным и спокойным. Никто не изводил телефонными звонками с утра пораньше, и это несмотря на утро понедельника. Наверное, чувствовали, что в этот день его лучше не трогать, в этот день он готовится провожать родителей в отпуск. Всякий, кто его неплохо знал, был осведомлен, что родителей Иван Сизых не просто любит, а безмерно уважает и ценит. Настолько, что в свои тридцать три года продолжает жить с ними под одной крышей, и считает этот факт правильным и неоспоримым. И живут они там, где его дед когда-то заложил дом. Конечно, от того дома ничего не осталось, на участке был отстроен новый коттедж, но зависимость от этой земли чувствовал и он, и отец. И поэтому съезжать никто не собирался. То есть, когда-то, будучи молодым и лихим, Иван готов был распрощаться с родительским домом, но довольно скоро оставил эти мысли. Просто потому, что понял – вряд ли где-то ещё он будет также счастлив.

Он вышел на открытую веранду, прищурился на солнце, после чего с хрустом потянулся. Сосны шумели, птицы пели, и ничего не предвещало каких-либо проблем в этот день. Кроме того, что мама, как и все женщины, в последний момент решила перебрать уже упакованный к отъезду чемодан. Отец пыхтел от недовольства и всё же насмешничал. А ещё

старательно делал вид, что его отъезд в отпуск никак не касается. Сидел на кухне, пил чай из большой кружки и смотрел новости. А до отъезда, тем временем, оставался час.

Иван спустился с веранды на лужайку, поднял с травы яркий мячик и призывно свистнул. Если честно, он не считал мопса настоящей собакой. Домашний пухлик, похрюкивающий и вечно сопящий, лениво переваливающийся с боку на бок на коротких ножках, не мог считаться полноценным псом. Но мама обожала своего Прохора. Даже имя мопсу не подходило, но другое как-то не прижилось. Иван покрутил мячик в руке, дождался, пока мопс подкатится прямо к его ногам, и кинул мяч в сторону забора. Прохор смешно и нелепо поскакал следом за ним, повизгивая от счастья. Иван смотрел ему вслед и думал о том, что стоит завести лабрадора. Или хорошую, рослую дворнягу.

Но маме говорить об этом не стоит. Перед отъездом.

– Ваня, ты кушать будешь? – послышался мамин голос с веранды.

– Нет, мама. Я уже завтракал.

– И что? Я же уезжаю.

Иван вздохнул, снова сощурился на солнце.

– Мама, я не могу наесться впрок на две недели. Как бы ты того не хотела.

– И будешь питаться в ресторанах.

– Буду, – сокрушенно кивнул он.

– И заработаешь гастрит!

– Тома, отстань от парня, – взвыл, в конце концов, отец. – Он лось здоровый. Он найдет, где поесть. Или того, кто его покорит.

Иван оглянулся через плечо на мать, усмехнулся, заметив, как та нахмурилась. Знал, о чём, точнее, о ком она подумала. Его последняя пассия матери отчего-то не нравилась. И это было странно, потому что Леся была милой, симпатичной, а главное, домовитой девушкой. Она без конца что-то готовила и Ивана кормила. А мама не ценила, и подозревала, что он ест через силу и ходит полуголодным. В общем, не сошлись его женщины характерами, но обе старались не подавать вида и друг другу улыбались при встрече. Конечно, ведь не смотря на безмерное уважение к матери, Иван давно оставил позади тот возраст, когда спрашивал её мнения по поводу того, с кем встречаться или с кем жить. И мама это понимала и принимала, и лишь изредка позволяла себе выказать беспокойство или недовольство.

– Родители, вы помните, что через три часа нам нужно быть в аэропорту?

– Зачем ты мне об этом говоришь? – удивилась Тамара Константиновна. – Скажи об этом отцу. Он, кажется, совершенно никуда не торопится.

– Тома, я жду тебя, – подал голос Владимир Иванович. Голос был бесконечно терпеливым и спокойным.

– Ещё бы. Я же пакую твои вещи!

– Причём, в третий раз.

Иван усмехнулся, слушая привычную беззлобную перепалку родителей. Они так жили уже тридцать пять лет, и, по его мнению, были счастливы. И надо признать, что он родителям завидовал. У него беззлобно и мило никогда не выходило ругаться со своими женщинами. Не встретилось ему на жизненном пути той, с которой бы хотелось ругаться и мириться, если не до конца жизни, то хотя бы не один год. Ругани было много, а вот желания мириться куда меньше. Правда, мама говорила, что дело, скорее, в его упёртом, неуживчивом характере. Помнится, именно это мама поставила ему в укор после его развода. Давно это было, но помнится до сих пор. И как человек вдумчивый, Иван с тех пор частенько размышлял о своём характере, и с лёгкостью списывал все неудачи на любовном фронте на него. И бывшим возлюбленным с прискорбием признавался в этом своём недостатке, если дурной характер можно назвать недостатком, печально кивал и разводил руками. Но после, конечно, дарил шикарный подарок, на прощание, на добрую память. Иногда помогал. Но пару раз подношения летели ему в лицо. Тоже опыт, на котором стоит поучиться.

Иван дошёл до забора, подтянулся на перекладине турникета, специально установленного в саду, затем прыгнул вперёд. И снова потянулся.

– Мам, что ты про завтрак говорила? – крикнул он в сторону дома.

– Я сварила тебе кашу. Поешь, пока горячая.

Иван потёр ладони друг о дружку в предвкушении. Что может быть лучше манной каши, приготовленной мамой, правда? Даже если тебе давно за тридцать. Хотя, помнится, в детстве он каши не любил, а заботу не ценил. Хорошо, что вовремя одумался.

Чуть позже позвонила секретарша, принялась докладывать об изменениях в сегодняшнем графике. Иван слушал, пытался осмыслить, но постоянно отвлекался на родителей, которые вдруг засуетились оба. Мама подгоняла отца, чтобы тот выносил чемоданы и не забыл чего-нибудь необходимого, а тому вдруг пришло в голову, что он где-то оставил ключи от летнего дома, от гаража, от машины, и Владимир Иванович старался сопоставить в голове все факты, чем начал злить жену.

– Иван Владимирович, обед в мэрии подтвердить?

Иван отвлёкся от наблюдения и некоторого участия в суеетливых сборах, потёр лоб.

– В час? Подтверждай, я должен успеть. Ира, но до полудня меня ни для кого нет. И сделай так, чтобы мой телефон без конца не звонил. Я везу родителей в аэропорт.

– Сделаю всё возможное, Иван Владимирович, – послушно отозвалась девушка. – Но вы же знаете, это трудно.

– Ира, не напрашивайся на комплимент.

Девушка, кажется, хихикнула, но на это Иван отвлекаться не стал, и телефон выключил. Оглядел гостиную, почесал за ухом Прохора, который успел развалиться в кресле отца.

– Родители, мы можем ехать?

– Хватит задавать дурацкие вопросы, – вроде бы возмутился Владимир Иванович. – Я уже готов отправиться в отпуск.

– Ну, если уж ты готов, – проговорил Иван негромко, выходя из дома.

Тамара Константиновна устроилась на заднем сидении автомобиля сына, на лице сосредоточенное выражение, явно пыталась понять, не забыла ли чего. Но затем улыбнулась, совершенно счастливо.

– Вечером мы будем в Испании, Вова. Я так давно хотела побывать в Испании.

Иван кинул быстрый взгляд на отца, заметил тоскливое выражение на его лице, но ухмылку постарался спрятать. Мамина восторженность путешествиями не сулила покоя, никому. В первую очередь Владимиру Ивановичу. Тот любил отдыхать в спокойной обстановке, в тишине, и чтобы его, желательно, никто не трогал. А курорты, даже лучшие, чужие страны и экскурсии его не слишком прельщали. В отличие, от жены. Но он мирился. По крайней мере, старался.

Автомобиль выехал за ворота, остановился, Иван ждал и наблюдал, как медленно закрываются автоматические ворота. Потом оглядел длинную улицу. На ней не было ничего интересного, будний день, соседи успели разъехаться на работу, а детей в их посёлке было не так много, чтобы кто-то из них бегал с криками и играми по дворам или ка-

тался на велосипедах. Поэтому по утрам на их улице было тихо и безлюдно. Помнится, во времена его детства и юности всё было иначе. А затем появились глухие заборы. Лишь несколько домов не скрылись за ними, и одним из них был дом Вольцовых, давно пустующий и переставший вызывать в нём навязчивые воспоминания. Теперь это был просто дом. Пустой, тусклый, и казалось, что ещё пару лет, и он утонет в зарослях запущенного сада. И, надо признаться, что уже некоторое время Иван размышлял о том, чтобы связаться с бывшей тёщей и предложить ей выкупить ненужную ей (и её дочери) недвижимость. Что будет делать с домом, Иван не думал, потому что все размышления на эту тему были ленивыми и не слишком серьёзными. Ведь с бывшими родственниками предстояло связаться, поговорить, выяснить какие-то подробности об их жизни, которых Иван знать особо и не хотел. Но пустующий дом через дорогу отчего-то не давал покоя.

Вот и сейчас, проезжая мимо, Иван бросил на дом быстрый взгляд, хотел по привычке поджать губы и пообещать себе подумать на досуге о перспективах и основаниях для этой покупки, но неожиданно заметил кое-что странное. Окно в доме на первом этаже было открыто. Он даже притормозил, приглядываясь. Скорее, с непониманием, чем с тревогой. И оттого, что автомобиль практически остановился, домом заинтересовались и родители. И Тамара Константиновна как раз с тревогой и произнесла:

– Ваня, там окно открыто.

– Вижу, – проворчал он. С отцом переглянулся. Тот в задумчивости поскрёб щёку и сказал:

– Нам только этого не хватало. Добрались до нас.

– Кто?

– Домушники. В Малахово серия ограблений была, слышал? На прошлой неделе.

– Ужас какой, – выдохнула Тамара Константиновна. А Владимир Иванович продолжил:

– Я с Мишкой Красновым разговаривал, он ведь там живёт. Говорит, шпана хулиганит. Ничего не берут ценного, ерунду всякую. А у нас через заборы не ползаешь, вот в пустой, наверное, и влезли. Там-то их заметили. – Он на сына кинул предостерегающий взгляд. – Ты сам не ходи, позвони участковому. Пусть придут, проверят. – Владимир Иванович сделал короткую паузу. – И Любе сообщат. Может, что и украли.

– Ладно, – также глухо проговорил Иван и нажал на газ.

Открытое окно в пустующем доме беспокоило.

Спустя три часа Иван вернулся в город, оставив родителей дожидаться посадки на самолёт. Мама его расцеловала, отец ещё раз напомнил позвонить участковому, тоже думал о соседском доме, не мог забыть. Иван пообещал – и позвонить, и не забывать обедать, простился с родителями и поспешил в город. Ира сдержала обещание, его телефон молчал всё утро, и за это можно было выписать старательной де-

вушке премию. Ира на самом деле была молоденькой и очень старательной сотрудницей. Когда Иван принимал её на работу год назад, надо сказать, что по протекции знакомого, ничего особого от её умений и талантов не ждал. Понимал, почему его попросили оказать услугу, приятелю нужно было пристроить миловидную любовницу на приличную работу. Ира была очень симпатичной, даже красивой блондиночкой с соблазнительными формами, и Иван лишь мысленно застонал при взгляде на неё, обдумывая возможные неприятности и трудности, которые начнутся в его офисе. До появления Иры ему пришлось уволить пару девушек именно из-за их внешних данных и шедшей вкуче с ними профнепригодностью. И от зеленоглазой блондинки он ничего другого не ждал, и уже заранее готовил речь для приятеля, когда через месяц соберётся её увольнять, несмотря на все просьбы и уговоры. Но Ира оказалась сокровищем. Когда она разруливала проблемы с его графиком, недовольными посетителями и приносила ему изумительный кофе, он напрочь забывал о её внешности. Не видел полной груди и длинных ног. Она была идеальной секретаршей, и больше его ничего не интересовало. И Иван теперь боялся только одного: что Ира возьмёт и променяет его на другого. Не начальника, а жениха, мужа, любовника, и будет варить кофе ему, дома, а Иван останется без кофе и с хаосом в офисе. У Иры были потрясающие способности управленца, но она этого таланта в себе совершенно не ценила. А вот Иван на полном серьё-

зе советовал ей поступить в институт и даже предлагал стипендию на обучение, от руководства компании, так сказать, но Ира лишь отмахивалась, не понимая, для чего ей диплом. Учиться девочка не хотела. Видимо, всё-таки не собиралась долго работать, у неё были определённые планы на личную жизнь, и порой, окидывая её мужским взглядом, Иван её понимал. Мужа она себе найдёт с лёгкостью. И мало того, работая его секретарём и общаясь со многими обеспеченными людьми этого города, Иришка именно этим и занималась – искала себе мужа.

Но почему-то он в круг её интересов не попадал, никогда. Может быть, он утомил её и на работе? Своими пожеланиями и требованиями. Казался ей ворчливым и капризным. И, наверное, этому стоило порадоваться. Иначе Иру всё равно пришлось бы уволить, а это было бы весьма неприятно. Она ему нравилась. Как человек. И как секретарша.

Иван остановился на светофоре и набрал на панели автомобиля телефонный номер своего незаменимого секретаря. Отчего-то вздохнул, когда услышал её голос.

– Расскажи мне про обед.

– Будет официально, – без всякой паузы и довольно воодушевлённо отозвалась Ира. Её голос звучал звонко и энергично, как и полагалось девушке двадцати с небольшим лет. – Будут официанты, супруга мэра и несколько дойных коров. Ах, да, будут крабы. Вы же любите крабов, Иван Владимирович.

Информацию о крабах он решил пропустить мимо ушей.

– Под дойной коровой ты имеешь в виду меня?

– Все знают для чего этот обед. Они ищут спонсоров для начала строительства спортивного центра. Федеральная программа.

– Не имею к этому никакого отношения. У меня в саду турник есть.

– Константин Михайлович сказал то же самое, – задумчиво проговорила Ира. Кажется, она была чем-то занята, и Иван почему-то решил, что она ногти красит. Это было её любимое занятие, которое никак не мешало исполнению профессиональных обязанностей. Все мужчины в офисе неизменно и ежедневно оценивали Иришкин маникюр. У жён не замечали, а красный Ирин ноготок, которым она тыкала кому-то в грудь, мог довести до оргазма.

– Шохин? Врёт. У него турника нет, я бы знал.

– У него есть беговая дорожка.

– Ты-то откуда знаешь?

– Я знаю всё. Я ваша секретарша.

– Это, конечно, хорошо. Но могу дать тебе совет: пусть о твоей осведомлённости не узнает Нина. Не хочу кровавых разборок в своём офисе.

– Я могу заказать вам такую же. Я знакома с его секретаршей.

– А, в этом смысле. Но дорожку не хочу. По ней же бегать надо.

– Примерно так.

– Я и так, как белка в колесе. Мама так говорит.

– Тамара Константиновна довольна поездкой?

– О, да.

– Зато у вас крабы на обед.

– Супер. Ты подсказала?

– Я же лучшая.

Он усмехнулся, нажал кнопку на панели, и в машине стало тихо. А окно на первом этаже брошенного дома, тем временем, было открыто.

Иван снова выдал вздох, списал это на утреннюю суматоху и опустившуюся на город полуденную жару. Побарабанил пальцами по рулю. Покосился на зазвонивший телефон, нажал кнопку на панели. И вместо приветствия поинтересовался:

– И что ты об этом думаешь?

– Что у меня нет лишних денег, чтобы строить жене мэра новый фитнес-центр.

Голос Константина Шохина звучал мрачно и недовольно. Видимо, обед в мэрии сорвал какие-то его планы.

– Это федеральная программа, – повторил Иван слова своей незаменимой секретарши.

– Спасибо, я на этом уже попал. Мне семейного центра хватило за глаза, год перед всеми расшаркивался. А ты, поддашься на уговоры?

– А меня чего уговаривать? Я стройматериалы не произ-

вою. Я ими торгую, Костя.

– Так значит, да? Что тебе сказать на это? Ты хорошо устроился.

Иван посмеялся. Закатил глаза, когда на дисплее высветился параллельный звонок и имя любимой, но порой несколько настойчивой женщины. И даже другу сказал:

– Леся звонит.

– Беспокоится, покушал ли ты, – с сарказмом проговорил Шохин. Его голос доносился, словно, с расстояния, он тоже разговаривал по громкой связи. Они дожили до того, что у них нет времени остановиться и взять в руки телефон. Даже разговаривают, не отрываясь от насущных дел.

– Почему все об этом беспокоятся? Я плохо выгляжу?

– Голодный блеск в глазах. Бабы на него и покупаются.

– У меня ещё прекрасная душа. Может, она в глазах отражается? – с намёком проговорил Сизых. На что Шохин лишь хмыкнул, причём неприятно.

– Спроси о своей душе у моей жены. Она женщина отзывчивая, она всё тебе расскажет в деталях.

– Если Нина мне расскажет о моей душе, боюсь, я перестану не только есть, но и спать.

– Я же не перестал.

– Я в курсе. И даже купил себе беговую дорожку. Костян, ты используешь её по назначению?

В трубке повисла тишина, Шохин обдумывал. После чего спросил:

– Откуда знаешь?

– Сплетня недели, – коротко и непонятно ответил Сизых и отключился.

Лесе стоило перезвонить. Наверное. Она была хорошей девушкой, чуткой, открытой и за него искренне беспокоилась. И Иван успел к ней привязаться. Но сумасшедшей привязанности или влюблённости в его душе не было. К тому же некоторая настойчивость с её стороны время от времени утомляла. Леся была человеком занятым, у неё был собственный бизнес, несколько маленьких магазинов подарков по городу, но на любимого мужчину она времени не жалела. Готова была сорваться по одному его звонку, всё бросить и поехать к нему просто для того, чтобы накормить его обедом. Это льстило, девушка была в него влюблена, но за себя немного стыдно. Потому что Иван отдавал себе отчёт в том, что лишь принимает её любовь и отношение. И, наверное, мама это чувствовала, потому что никак не хотела воспринимать их с Лесей отношения всерьёз. Леся очень старалась понравиться его родителям, была милой, и Иван был уверен, что она вполне искренна. А вот мама была настроена скептически. Даже когда Леся пекла для него пироги и тушила мясо по особому рецепту, Тамару Константиновну это не убеждало. Хотя, Иван знал, что мама больше всего на свете жаждет заполучить внука. А лучше парочку. То есть, он должен был влюбиться, жениться и произвести на свет наследника. И, если оглядеться, лучшую жену, чем Леся найти трудно. Кра-

сивая, хозяйственная, реализовавшаяся в жизни. Они были вместе больше года, а задумываться о браке никак не хотелось. То есть, Иван думал, но чем больше думал, тем меньше хотелось вновь становиться семейным человеком. Проходить через свадебные хлопоты, сам неповторимый день, а в дальнейшем адаптацию к семейной жизни. Которая ещё неизвестно чем закончится.

Всё это уже было в его жизни. А он тогда был моложе, беззаботнее и нервная система в то время была куда выносливее. Развод её несколько истощил. Прошло уже десять лет, он с тех пор ни разу не видел бывшую жену, помнил её молоденькой, обиженной девочкой, но каждый раз, как вспоминал, в душе что-то неприятно натягивалось, как струна. А вот стал бы он вспоминать через десять лет Лесю или кого-то ещё из своих бывших пассий, большой вопрос. А вот Лану вспоминал. Они были молоды, они любили друг друга, горячо и безумно, и столь же безумно ссорились и скандалили. Такое забыть невозможно.

А потом она уехала и больше не вернулась. Иван знал, что она живёт в Москве, что вышла замуж за какого-то крутого мужика, богатого, по крайней мере. То, что Лана сумела так удачно устроиться в жизни, его не удивляло. С её красотой и ангельской улыбкой, при этом бушующими во взгляде чувствами, к ней, наверняка, очередь из олигархов выстроилась. А она только выбирала. Во всяком случае, он себе представлял ситуацию именно так. Отправилась покорять столицу.

Покорила. Судя, по слухам. Иван знал, что Шохин знаком с его бывшей женой, точнее, с её мужем. Костя пару лет назад встретился с Ланой на одном из приёмов в столице, и как он сам тогда выразился: обалдел. А с чего Шохину балдеть? У него жена – красавица, повод для зависти многих друзей и приятелей. А тут Костя обалдел.

Иван помнил, что тогда, при том разговоре, повёл себя неправильно. Костя не хотел сказать ему ничего плохого или обидного, он никогда не расспрашивал его о разводе, считал, что это никого, кроме самого Ивана, не касается. Шохин сам не раз разводился, и исходил из собственного опыта. Мол, чего только в жизни, особенно в молодости, не случается. Подумаешь, развод. Сам Иван мыслями на этот счёт ни с кем никогда не делился, даже родителей на полуслове обрывал, и все привыкли к тому, что в душу к нему лезть и упоминать бывшую жену не стоит. А при том разговоре он встал и ушёл. Он не хотел ничего знать. Как она живёт, с кем, счастлива ли и насколько прекрасно выглядит. Он до сих пор не мог простить Лане того, что она его бросила. Он ведь любил её. Единственная женщина, которую он любил, по молодости лет, беззаветно, а она не захотела жить с ним, разговаривать, решать проблемы. Они развелись, и она уехала. К олигарху.

Кому помогло влезть в этот дом?!

– Ира, найди мне номер телефона участкового.

– Участкового? Это, в смысле, полицейского? Может, по-

звонить Нестерову?

– Нестерову? Зачем?

– Он полковник ФСБ. Зачем нам участковый, если у нас есть полковник ФСБ?

Сизых закатил глаза, подбородок потёр.

– Мне нужен номер участкового. По моей улице.

– Хорошо... Но я никогда раньше не звонила участковому.

– Тебе и не надо. Я сам позвоню. Просто найди номер. А я пошёл есть крабов.

Дойных коров оказалось пятеро. И ещё человек десять представителей городской администрации. Говорили предсказуемые вещи, представляли проект спортивного комплекса, Иван ел салат из крабов, думал о своём и лишь время от времени косился на Шохина. Который даже ничего не ел, просто сохранял на лице мрачное, скупающее выражение. В какой-то момент Иван придвинулся к нему чуть ближе и тихо поинтересовался:

– Что?

– Нина прочитала мне лекцию о необходимости внедрять спорт в массы. Особенно, приобщать к спорту молодёжь. Ты в курсе, что танцы – это тоже спорт?

– А, в этом смысле! Тогда я тебе сочувствую.

– Я просто думаю, кто ей обо всём докладывает?

– Ты странный, Кость. – Иван осторожно толкнул его локтем и ещё более аккуратно кивнул на супругу мэра, сидящую

с другой стороны длинного стола. Фигура той в последний год заметно подтянулась, но как-то усохла от бесконечных диет, шейпинга и йоги. Она сама могла бы сняться в рекламе фитнес-центра. Если бы была немного миловиднее.

Напротив сидел Вадим Мельников, сын бывшего мэра, и даже не пытался сделать вид, что ему интересно. Пил кофе и что-то делал со своим телефоном. Иван не удивился бы, узнай, что Вадик играет в гонки или танчики. Он даже ни разу не поднял глаза на экран. А между тем, рядом с экраном красовалась девушка из рекламного агентства, и представляющая данный проект. Представляла она его старательно, говорила ровным, воодушевлённым голосом и лучезарно улыбалась. А мужчины, от которых ожидалась финансовая поддержка, обедали со скучающими лицами. Но тот факт, что мэрия не поскупилась на шикарный обед, говорил о том, что деньги им нужны отчаянно.

– Господа, больше отзывчивости, – наконец обратилась к ним супруга мэра. Улыбнулась, постаралась сделать это также лучезарно, как и рекламщица, Иван посмотрел на неё в этот момент и решил, что только йогой дело не ограничилось. Кажется, над первой леди города успели поработать пластические хирурги. Куда катится этот мир? – Вы же все молодые, сильные. Если вы станете постоянными посетителями спорткомплекса...

– Нам некогда будет работать, – подхватил Шохин. – И больше нас никто не будет кормить крабами.

Иван едва не подавился, на приятеля взглянул с укором и негромко проговорил:

– Не завидуй. Да, у меня лучшая секретарша в городе. Она меня любит.

Вадим услышал и откровенно ухмыльнулся, не отрывая глаз от телефона.

– Господа, надо думать о будущем поколении. О наших с вами детях!

Это уже было похоже на вопль отчаяния. Иван отодвинул от себя тарелку, отпил минералки из бокала, пожал плечами, призадумавшись над последними словами.

– Если мы думаем о детях, предлагаю оборудовать спортивные площадки во дворах. Мы раньше с них не вылезали. А кому нужен целый комплекс? В три этажа.

– В четыре, – подсказал Шохин.

– Да хоть в пять. Это федеральная программа. И давайте не будем врать друг другу... Ольга Анатольевна, – добавил он, столкнувшись с недовольным взглядом супруги мэра. – Мы либо строим спорткомплекс, либо думаем о здоровье нации.

– А объединить нельзя? – не удержалась та от легкой язвительности.

– Не знаю, – честно признался Сизых. – Раньше никогда не получалось.

– Иван Владимирович, вы меня расстраиваете.

Он только руками развёл.

– Что ты завёлся? – со смешком спросил у него Вадим, когда они вышли из зала заседаний, в котором накрывали стол к обеду. – Про какие-то площадки заговорил, про детей.

– А ты слушал? Я думал, ты играешь.

Шохин рядом хохотнул, а вот Вадим совсем не смутился.

– Я не делал вид, что мне интересно.

– А мне интересно. Но несколько другое. Не четыре этажа бетона и стекла.

– Мужики, может, выпьем? Мне после всех этих песнопений жутко выпить хочется.

– У меня встреча, – отозвался Шохин.

– А у меня совещание, – последовал его примеру Иван. – Советую, Вадик, и тебе немного поработать.

Мельников наглядно фыркнул, чтобы они смогли в полной мере оценить степень его снисходительности.

– Учитесь у умных людей. Как наладить процесс, чтобы всё работало само, как часы.

Иван с Шохиным переглянулись. Правда, Костя показал молодому приятелю кулак, когда Вадим на прощание подмигнул и попросил:

– Нине привет передавай. Горячий.

– Я тебя в морозильник засуну, на пару дней. Горячего в тебе ничего не останется.

Вадим весело хмыкнул и направился к своей машине.

– Не обращай внимания, – посоветовал Шохину Иван. – Ты же Вадьку знаешь. А Нине передавай привет, – закончил

он с улыбкой.

– Она приглашала вас с Лесей на ужин в субботу. Кстати, ты жениться не собрался?

– Я об этом думаю, – честно признался Иван.

Костя понимающе усмехнулся.

– Ну, думай, думай. Мыслитель.

– Как будто это так просто.

– Решиться?

– Выбрать. – Сизых многозначительно хмыкнул и направился к своему автомобилю.

Лесе всё-таки перезвонил. Они вполне мило поболтали в то время, что он добирался до офиса, и она, конечно, не упомянула о том, что он не ответил на её звонок пару часов назад. Иван об этом думал, точнее, ждал, что она спросит, возможно, даже упрекнет, мягко, но выразит своё недовольство. Но Леся... Леся была лёгким по натуре человеком, и Иван бы совсем не удивился, если бы узнал, что его девушка уже успела позабыть о произошедшем инциденте. Её мысли наверняка уже успели наполниться позитивом, она отвлеклась на что-то красивое и насущное, вроде нового рецепта жаркого или вышивки на подушках. Леся частенько делала что-то своими руками и выставляла на продажу в магазинах, и, надо сказать, её творения пользовались спросом. В общем, не женщина, а кладезь талантов и достоинств. Интересно, почему он уже год не в состоянии оценить этот клад в полной мере. Наверное, нужно быть умнее и проницатель-

нее.

И на этот раз его что-то удержало от того, чтобы передать Лесе приглашение Шохиных на ужин. Наверное, то, что Леся никак не вписывалась в их компанию. Иван дружил с Константином Шохиным с давних времен. У них была солидная разница в возрасте, и когда Иван был подростком, Костя уже предпринимал первые попытки продвинуть свой бизнес. И поэтому к близкому общению ничего не располагало, они даже знакомы, по сути, не были, но их матери когда-то работали вместе и до сих пор приятельствовали. И Иван помнил, какое впечатление на него произвела семья Шохиных, во главе с их знаменитым в городе дедом, при первой встрече. От каждого из них веяло уверенностью и твёрдостью характера. И Костя был очень похож на своего деда именно этими качествами. На него хотелось равняться, идти за ним. Иван не раз об этом говорил открыто, и даже предлагал Шохину заняться политикой. Искренне считал, что Костя, если бы захотел, смог бы занять место деда в кресле градоначальника. Но Шохина политика никак не прельщала, и он только отмахивался, даже без тени улыбки.

Хотя, если честно, после его женитьбы, шансы на политическом поприще, даже теоретические, серьёзно подтаяли. Хорошо, что это было совсем неважно. Но всё равно Иван считал это несправедливым. Шохин с Ниной были женаты уже больше трёх лет, а люди всё ещё любили обсуждать их отношения, слухи, связанные с их знакомством. Из-

за злых языков каждый раз хотелось поморщиться, а будь Иван на месте Кости, и в морду мог бы кому-нибудь дать, но тот сохранял арктическое спокойствие. И этому способствовал тот факт, что в глаза сказать Шохину что-то недостойное о его жене, никто не смел. А на слухи они с Ниной научились не обращать внимания. Их выдержке можно было подивиться и поаплодировать. Не позволяли гадким слухам подпортить безмятежное счастье в их доме. А они были счастливы, и этому Иван завидовал. Он с самого начала наблюдал их историю, помнится, ещё слегка ехидничал, когда Шохин завёл себе любовницу из «Тюльпана», и уж совсем не ожидал, да и никто не ожидал, что Костя возьмёт и женится на ней. А тот ни на кого не посмотрел, не задумался о репутации или о чём там другие привыкли задумываться в таких ситуациях, он как обычно поступил так, как считал нужным. И именно на это качество в Шохине Иван старался равняться, с первого дня их знакомства. Костя всегда говорил, что лучше сделать и пожалеть, чем наоборот. Он вот выбрал себе жену, к своим сорока годам, и не пожалел, не смотря на возмущённое жужжание вокруг. А теперь у них семья, дочка Нины, которую Шохин открыто обожает, и годовалый сын. Нина светится, Шохин работает (он светиться не умеет, чем он счастливее, тем, кажется, сдержаннее и саркастичнее становится), дети растут. Признаться честно, Иван другу завидовал. Оставалась надежда, что к сорока годам и он встретит женщину, которую захочет до пелены перед глазами. За-

хочет с ней жить, воспитывать с ней детей и будет попросту хотеть её, потому что это очень важно. И слово «любовь» он в этот список отдельным пунктом не ставит, потому что всё вкупе это и есть любовь. Чтобы желание было – жить вместе и справляться со всем вместе.

– Родители улетели? – спросила его Леся.

– Да, проводил утром.

– Может, приедешь вечером ко мне? Я приготовлю ужин.

Он обдумывал. Перспектива вкусного ужина с продолжением должна была звучать соблазнительно, но отчего-то не звучала. А всё из-за того, что вспоминалось открытое окно в доме напротив. С ситуацией необходимо было разобраться, а уже после можно было задумываться об удовольствиях. Об этом он Лесе и сообщил.

– Мне нужно кое-что сделать, вернуться домой. А после я тебе позвоню, хорошо?

– Конечно, милый. А что ты хочешь на ужин? Курицу или телятину?

После крабов не хотелось ничего. Поэтому Иван сказал:

– Полагаюсь на твой выбор.

Очень трудный выбор, но Леся пообещала, что его порадует.

– Очень по тебе соскучилась, – сказала она ему на прощание. – Целую тебя.

– И я тебя, – отозвался он автоматически. Разговор закончил и отчего-то поморщился. Что-то подсказывало, что

на будущую мать своих детей так реагировать не стоит.

В офисе его встретила Ира. Вышла навстречу, в красном платье, на каблуках, она уверенной походкой пересекла коридор офиса, а ему улыбнулась столь пленительно, что у Ивана невольно кольнуло где-то в районе... нет, совсем не сердца. Недаром большинство его партнёров по бизнесу были уверены, что он со своей незаменимой секретаршей спит. Кстати, Ира была единственным человеком, наверное, в целом свете, которого Леся органически не переносила. То ли ревновала, то ли инстинкт самосохранения срабатывал, но Леся будто коркой льда покрывалась, как только видела Ирку, а глаза превращались в две буравящих льдинки. Но опять же молчала, ни разу не спросила напрямую, что связывает Ивана с его незаменимым работником. Эта её привычка отмалчиваться и делать вид, что всё замечательно, больше всего Ивана и беспокоила.

– Я нашла вам номер участкового, – сообщила Ира громко. Развернулась и подстроилась под шаг Ивана, который направлялся к своему кабинету.

– Не сомневался в твоих способностях.

– Вас обокрали? – живо поинтересовалась она.

Иван кинул на неё недоумённый взгляд.

– С чего ты взяла?

– Это не я, это он. Сразу спросил: не обокрали ли нас.

Иван усмехнулся.

– Нас не обокрали. Но утром я кое-что странное заметил

недалеко от своего дома, хочу сообщить. Это моя гражданская обязанность.

– Послали бы охрану.

– Ира, ты хоть не говори мне, что делать. Я только из мэрии.

– Ах да. Как крабы?

Следующий взгляд был откровенно раздражённым, и Ира предпочла замолчать и шагнула к своему столу. Только наблюдала, как начальник остановился у большого панорамного окна и отвёл в сторону жалюзи. С минуту стоял и наблюдал за суетливой жизнью строительного рынка. Огромная территория, с павильонами, складами и ангарами, несколько тысяч работников, и за всё это он в ответе. За весь этот бардак и суматоху.

– Ира, что-то срочное есть?

– Я всё переслала вам на почту.

– Отлично, – отозвался он негромко и прошёл в свой кабинет.

Участковому стоило позвонить сразу и рассказать об увиденном. О том, что всерьёз насторожило. Номер телефона Иван нашёл на своём столе, но лишь потарачился на него несколько секунд, после чего сунул в ящик стола. Для себя объяснил это тем, что в данный момент слишком занят для того, чтобы вести долгие бестолковые разговоры с представителями правопорядка. Куда легче было попросить начальника охраны этим заняться, если не проверить дом, так свя-

заться с полицией, но Иван опять же отложил решение этой проблемы на потом. И дальше откладывал, весь затянувшийся рабочий день. И в какой-то момент даже решил, что зря тревожится, и открытые окна соседского дома не такая уж проблема. В конце концов, в доме могли объявиться новые хозяева, не вечно же ему пустовать. А он возьмёт и нашлёт на них полицейских. Неудобно получится. Поэтому номер участкового так и остался лежать в его письменном столе, по крайней мере, до следующего утра.

Лишь остановившись на светофоре, собираясь свернуть на свою улицу, вспомнил о том, что обещал Лесе приехать на ужин. Но разворачиваться и возвращаться в город, ужасно не хотелось. Можно было найти выход из положения, позвонить и попросить любимую девушку приехать к нему. С ужином, с курицей, запечённым мясом или чем она его днём соблазняла?

Иван раздумывал обо всём этом, если честно, больше об ужине, чем о любви в её романтических проявлениях. В конце долгого рабочего дня, с кучей бумаг, телефонных переговоров и привычной нервотрёпки, как-то не до романтики. Хотелось чего-то банального, спокойного и непременно сытного. Иван уже потянулся за телефоном, как его взгляд снова остановился на пустующем доме, мимо которого он как раз проезжал. Окна по-прежнему были открыты, а на первом этаже ещё и свет горел. Это уже ни в какие рамки не вписывалось.

Машины Иван остановил, с мрачным видом таращился на дом. Вот почему бы просто не проехать мимо? Зачем ему нужно знать, кто там внутри?

Из машины вышел и хлопнул дверцей. Ослабил галстук, зачем-то оглядел улицу. Вокруг никого. В принципе, привычная обстановка в последние годы. Все за заборами прятались.

Лет десять-пятнадцать назад вокруг него уже собралось бы человек пять соседей, которые с азартом принялись бы обсуждать ситуацию, а привлечённого к процессу участкового ещё научили бы, как себя вести и что говорить. А сейчас никто ничего не замечает, доезжают на своих автомобилях до ворот и скрываются за ними. Наверняка, никто кроме него ничего настораживающего не заметил, проехали мимо, а он ищет причины, чтобы поступить точно также. Но не получается.

В доме горел свет, там явно кто-то был. И это точно не воры, с чего бы им проводить в доме целый день, да ещё привлекать внимание?

Иван толкнул калитку, та неприятно, тягуче скрипнула, сразу понятно, что её долго никто не смазывал и даже не открывал. И дорожка под ногами поросла травой. Признаться, прожив на этой улице много лет и каждый день проезжая мимо этого дома, Иван давным-давно не подходил к нему близко, иной раз даже отворачивался, не хотелось смотреть, как он кренился на бок от пустоты и одиночества.

Внешний вид крыльца тоже удручал. Иван даже усомнился, стоит ли на него подниматься, потряс рукой облезлые перила. А сам смотрел на кухонное окно, в котором горел свет. Оно было совсем рядом, и он прекрасно знал, что сделай он несколько шагов в сторону, и, оказись на месте, на котором когда-то разбивали клумбу, в которую он не раз лазил, опять же – когда-то, и за это получал, он смог бы заглянуть в окно. Но ему уже давно не двадцать, и заглядывать в чужие окна он не станет. Вместо этого поднимется по ступеням крыльца и постучит в дверь, как и положено гостю.

К тому же, звонок не работает, висит на одном проводке и даже покачивается на ветру.

Аккуратно постучал, затем громко поинтересовался:

– Есть кто?

В доме было тихо. Настолько тихо, что Ивана вновь посетило беспокойство. Он даже перегнулся через перила, всё же пытаясь заглянуть в окно кухни. Руку протянул и побарабанил костяшками пальцев по грязному стеклу.

– Эй, в доме кто-то есть?

Взял и дёрнул ручку двери. Достаточно сильно, интуитивно решив, что та всерьёз просела. Та поддалась, с неохотой, Иван отступил на шаг, а за порогом увидел женщину. Молодая, красивая блондинка стояла и хмуро смотрела на него.

Он не узнал её. Он не узнал её! Не узнавал первые пять секунд, только таращился, впитывая облик, образ, сверкающий и в то же время недоступный. А когда до сознания до-

шло, кто же стоит перед ним, Ивану больше всего на свете захотелось развернуться, сойти с этого крыльца и уйти. И вычеркнуть эти секунды из своей памяти. А дом чтобы наутро рухнул. Чтобы всяким беглянкам некуда было возвращаться спустя десять лет.

Попытался справиться с собой, принял недовольный вид, а бывшую жену окинул долгим, изучающим взглядом. Старательно не обращая внимания на то, что кровь колотится в висках. Но чёрта с два, если от волнения.

Лана же красноречиво поджала губы. Она его не разглядывала, она смотрела на него в упор, прямо в лицо, и, кажется, хмурилась. Затем высоко вздёгнула подбородок. Ждала чего-то от него, первого шага. А он никак не хотел его делать. Так и стояли, сверлили друг друга взглядами и молчали. Если бы это была не его бывшая жена, Иван бы ответственно заявил, что ситуация чересчур неловкая. Но это, чёрт возьми, была его жена. Которую он совсем не ожидал увидеть.

А если бы ожидал, то попросил пару недель, чтобы морально подготовиться. К тому, чтобы встретить вот этот её взгляд и не вздрогнуть. Иван ненавидел фирменный, ледяной Ланкин взгляд. Под ним он всегда чувствовал себя виноватым. И вот, пожалуйста, прошло десять лет, она открыла ему дверь, и он снова виноват!

– Это ты, – проговорил он, точнее, едва выдавил из себя.

Лана, наконец, опустила глаза с его лица, окинула беглым взглядом его костюм, кажется, на её лице отразилось

лёгкое недоумение, видимо, перемены в его внешнем виде её удивили. Но выразить своё удивление или хоть какие-то чувства, она не соизволила. Наградила надменным взглядом и захлопнула перед ним дверь.

А Иван понял, что его спокойная жизнь закончилась.

Сердце замерло от звука захлопнувшейся двери. Лана замерла перед ней, глядя на тёмный, потёртый дермати́н в некотором недоумении. Если честно, сознание ещё никак не могло справиться с произошедшим мину́ту назад. Не ждала она этого, не ждала. Что в первый же вечер прошлое так нагло и беспардонно постучится в её дверь. Она всё-таки надеялась, что бывшего мужа давно нет на их улице. Это ведь нормально, что-то поменять в своей жизни за десять лет. Хотя бы, сменить место жительства, съехать от родителей. А он до сих пор тут. И явился, как только увидел свет в окнах.

Подарок судьбы...

За дверью было тихо, никто больше не стучал и ничего не требовал. Лана на цыпочках отошла от двери и поспешила на кухню, чтобы выглянуть в окно. На крыльце Ивана уже не было, он направлялся к автомобилю, оставленному на дороге. Правда, оглянулся, прежде чем сесть в машину. А Лана шарахнулась в сторону, спряталась за занавеской. И тут же почувствовала себя невероятно глупо. Ну что за ребячество, в самом деле? Заставила себя сделать глубокий вдох и расправить плечи. Правда, усмирить бешеный стук сердца это не помогло. И руки странно похолодели. Лана даже взглянула на свои тонкие пальцы с неприязнью. Вот что они дрожат? Это всего лишь бывший муж. С которым и общаться-то

не обязательно.

Да, именно так. Они оба выяснили, что находятся друг от друга в непосредственной близости, и теперь наверняка оба будут избегать лишних встреч.

Она снова подошла к окну, и смело отдёрнула занавеску. Машины напротив дома уже не было. Вот и хорошо, уехал. А ей необходимо выпить чаю и успокоиться.

Правда, старый дом успокоения в душу не вносил. Лана провела здесь целый день, ходила по комнатам, открывала окна, снимала с мебели покрывала, комнаты становились узнаваемыми, из дома почти ничего не вывезли за прошедшие годы, и вроде бы можно было почувствовать ностальгию и даже некое тепло на душе появиться могло, но никак не появлялось. Чем больше Лана оглядывалась по сторонам, открывала двери и форточки, заглядывала в старые шкафы, тем отчётливее понимала, что дому необходим срочный ремонт. Причём, далеко не косметический. Лампочки повсеместно мигали, водопроводные трубы гудели, а полы скрипели куда сильнее, чем десять лет назад. В некоторых местах доски просели и грозили серьёзными провалами. Пыль, паутина и обои в жёлтых пятнах – это самые меньшие из проблем. Последние пару часов Лана провела в кресле у окна, поджав под себя ноги, и вновь обдумывая своё незавидное положение и перспективы. Перспектив не было. И это пугало. И пока она сама себя старательно запугивала, явился бывший муж, и окончательно лишил её покоя. Мало ей про-

блем с Игнатьевым, так ещё Сизых тут как тут. И ей почему-то казалось – нет, она была в этом уверена! – что от Вани неприятностей и волнений будет куда больше. Судя по его взгляду и интонациям, он тоже не слишком рад её видеть. Кажется, она влезла на его территорию.

Все вокруг делят территорию, а она всем мешает! Её-то территория где?

Правильно Фрося говорит: не следует мужикам верить себя. Они всё равно всё испортят.

Свет замигал, как только заработал электрический чайник. Лана подняла тревожный взгляд к пыльному абажуру. Всерьёз опасалась, что свет сейчас погаснет, и она останется в полной тьме. И даже обратиться ей будет не к кому, выйди на улицу, а вокруг заборы, заборы. Не то, что раньше.

От тревожной тишины её спас телефонный звонок. Желание матери в пятый раз за этот день выяснить, что у неё происходит, не слишком радовало. Мама давным-давно не проявляла столько интереса к её делам. Лана от этого отвыкла, и беспокойство родительницы лишь настораживало. Правда, после неожиданного визита бывшего мужа, оно вдруг нашло своё объяснение. И Лане оставалось лишь посетовать на материнскую нерешительность. Могла бы и предупредить.

Вызов она приняла, снова присела в кресло и подула на горячий чай.

– Я жива, мама. Дом на меня не рухнул за последние два часа.

– Да типун тебе на язык. – Любовь Аркадьевна даже сплюнула и, кажется, постучала обо что-то костяшками пальцев. – Но всё равно, ночевать в старом доме, это не дело. Тебе не страшно?

– Не накручивай меня, – попросила её Лана. И добавила с оттенком недовольства: – И без тебя желающие найдутся.

– Что, Слава звонил?

– Нет, не звонил. Скорее всего, он ещё не заметил моего отсутствия. Я дала ему на это три дня.

– С ума сошла.

– Думаешь, понадобится больше?

– Лана...

Она вздохнула.

– Я не жалуюсь, мама. Я всё понимаю. Я сама виновата.

Любовь Аркадьевна помолчала, после чего проговорила:

– Не виновата. Просто мужчины, практически все, личности сложные. А некоторые и неприятные.

Лана всё-таки улыбнулась, правда, невесело.

– Фрося сказала бы по-другому.

– Я тоже могу. Но легче тебе от этого не станет, ведь так?

– Так, – согласилась Лана. И решила мать порадовать: – Мне вообще не везёт. Как начинаешь разводиться, так и выясняешь, что за тип был у тебя в мужьях. Что один, что второй.

В трубке повисла тревожная тишина. Лана её нарушать не собиралась, просто ждала. Любовь Аркадьевна осмысли-

вала её слова секунд десять, затем осторожно поинтересовалась:

– Ты о Ване говоришь?

Лана мрачно уставилась на стену напротив. На ней висела старая, дешёвая репродукция известной картины в облезлой раме, за которой на обоях расплзлось грязно-жёлтое пятно.

– Мама, ты знала, что он до сих пор здесь?

Чёткого ответа Лана не получила. Вместо этого Любовь Аркадьевна попробовала улизнуть, и даже с претензией проговорила:

– Я тебя просила туда не ездить. Ведь просила?

– Мама! – Лана не сдержалась, повысила голос, а чашку с чаем поставила на край стола. – Ты могла мне просто сказать. Что он до сих пор живёт здесь. А это, между прочим, ненормально, согласись.

– Не буду соглашаться, – заупрямилась родительница. – Ваня – очень хороший мальчик. Он любит родителей.

Лана в возмущении закатила глаза, жаль, что этого никто видеть не мог.

– Во-первых, этому мальчику уже за тридцать. Во-вторых, он любит, когда мама ему кашу варит и с ложечки его кормит. А в-третьих, я была бы благодарна, если бы ты вспомнила, что это за негодяй, а уже после этого называла его «хорошим мальчиком». Или ты забыла?

– Я не забыла, Лана. Но... это было так давно. И вы оба были молоды и глупы. Я уверена, что сейчас ни ты, ни он

подобных ошибок не совершили бы.

– Мама, я от него сбежала. Я сунула в сумку два платья и убежала отсюда.

– Лана, не преувеличивай. Ваня тебя любил.

– Себя он любил в первую очередь. И я больше чем уверена, что с годами мало, что изменилось. Но выяснять я не хочу.

– Но ты вернулась туда.

– Я не думала, что он до сих пор живёт с родителями! Да и выбора у меня нет.

– Интересно получается... Так значит, вы встретились?

Лана помолчала, умиряя возмущение и предательское волнение в душе. Аккуратно выдохнула, надеясь, что мама не услышит.

– Он постучал в мою дверь. В первый же вечер. И ты бы видела его лицо, когда он понял, что это я. С такими лицами – убивают.

– Что значит: когда понял? Лана, он тебя не узнал?

Лана нахмурилась, рука невольно поднялась к лицу и коснулась щеки. А матери в ответ недовольно проговорила:

– Наверное, я сильно изменилась. Мне скоро тридцать.

Любовь Аркадьевна помолчала, затем чуть слышно кашлянула. Лана была уверена, что смех сдерживает. А момент был трагический, совсем не подходящий для смеха. И чтобы сменить тему, она спросила:

– Ты общаешься с его родителями? Ты никогда мне

об этом не говорила.

– Лана, мы дружили много лет. И то, что у вас с Ваней произошло... это, конечно, наложило отпечаток, но просто разорвать многолетние отношения...

– Понятно, понятно. Ты просто мне не рассказывала.

– Не рассказывала, – созналась Любовь Аркадьевна. Но тут же добавила: – Хотя, рассказывать особо и нечего. Я никогда специально не расспрашивала их о Ване. У вас обоих новая жизнь, зачем мне знать?

– Знать что? Женат ли?

– И это тоже. Но, кажется, не женат. Он так и не женился, Лана.

Она даже зажмурилась.

– Я не хочу ничего об этом знать. Слышишь?

– А зря, – тоже вспылила Любовь Аркадьевна. – Тем более в нынешних обстоятельствах.

– Что значит: в нынешних обстоятельствах? – ахнула Лана. – Ты считаешь, что я к нему на поклон пойду?

– А если придётся, Лана? – куда мягче спросила Любовь Аркадьевна. – Или гордость сильнее чувства самосохранения?

Этот разговор захотелось прекратить. Именно из-за чувства самосохранения она так спешно уехала из Москвы, сделала этот шаг, прекрасно понимая, что даёт мужу свободу, о которой он так мечтал. Но как она сама распорядится этой свободой, которая ей, по сути, и не нужна вовсе, не знала.

Она не привыкла быть свободной, её целью была семья, и вот она снова развалилась. И даже не во второй раз. Семья – это ведь не штамп в паспорте, это ощущение своей нужности и необходимости, душевное тепло, улыбки родного человека. Всё это рушится уже далеко не в первый раз. Отец, мама, ушедшая юность, а потом замужество, одно, другое. Никто не мечтает о том, чтобы выходить замуж раз за разом. Все хотят семью и любви, одну на все времена, хорошие и плохие. А Лана снова осталась у разбитого корыта. Это было очень печально.

Первая ночь в старом доме была бессонной. Лана устроилась в комнате, в которой когда-то жила мама, на большой скрипучей кровати, решив комнату по-соседству переделать под детскую. Легко сказать: переделать. Нужно ещё придумать, кто и как будет это делать, и где она возьмёт на это деньги. Лежала в темноте, стараясь не прислушиваться к звукам дома, решив, что запугивать себя тем, чего не существует, в данных жизненных обстоятельствах, попросту глупо. Ей есть о чём подумать и побеспокоиться, помимо скрипов и уханья в трубах. Под утро пошёл дождь, забарабанил по стёклам и карнизам, а Лана всё крутилась с боку на бок, пытаясь понять, как ей обустроить свою жизнь. Конечно, можно надеяться на Слаvinу порядочность, но надежды мало. Муж на неё отчего-то всерьёз злился. Она видела эту злость и нетерпение в его глазах в последние недели. Он смотрел на неё и видел что-то для себя неприятное. Интерес-

но, что же она сделала не так? Старалась, как могла. Как всегда поддерживала, выслушивала, заботилась. Но вдруг стала в тягость. А это ведь несправедливо, правда? Она так долго училась быть хорошей женой, думать о желаниях мужа, как учила её вторая свекровь. Первая вот не учила, Тамара Константиновна просто приняла её в свой дом когда-то. И даже когда Лана с Ваней отчаянно ругались, никогда не принимала ничью сторону. Для неё они оба были детьми, любимыми и порой неразумными. Обоих следовало и поругать, и пожалеть, и на истинный путь направить. И Лана помнила, как расстроились родители, когда они с Ваней расстались. Уговаривали, убеждали потерпеть, повзрослеть, но разве в двадцать лет возможно терпеть и чего-то ждать? Лана помнила, как от любви и обиды всё внутри горело огнём. Нестерпимое чувство, которое она постаралась изгнать из себя, ведь из-за него совершаются все главные глупости и ошибки в жизни. И много лет во втором браке она верила, что сумела с собой справиться, и благодаря этому у неё образцово-показательная семья. Ну и где она эта семья теперь? Муж нашёл ей замену, а ребёнка, из огромной заботы и отцовской привязанности, собирается отправить из дома. В другую страну, лишь бы подальше от матери.

Это больше всего беспокоило. Потому что Лана знала, Слава на самом деле считает себя хорошим отцом, и верит, что делает всё из любви к Соне. И отправит девочку в интернат, в самый лучший и дорогой, но ведь интернат! За-

чем нужно великолепное образование, если ребёнка лишат всех самых необходимых ему вещей, в первую очередь дома и любящих его родителей? Но мужу это объяснить сложно. Он будет спорить и скандалить, Лана в этом не сомневалась. А когда увидит дом, куда она собирается забрать дочь, условия, в которых они будут проживать, Слава от неё и её планов как-то выживать, камня на камне не оставит. Права мама, тут ещё подумаешь, кто меньшее зло в этой истории. Да и свою девочку, свою принцессу представить среди старых вещей и пыли ей трудно. Соня никогда не знала такой жизни, её растили в достатке, ей потакали, ради неё Лана и жила. И всё, что делала в последние годы, было ради неё. Вот только не подумала о том, что будет, если жизнь вновь сделает крутой поворот, и она останется без поддержки мужа. Точнее, просто без мужа. А он ещё и препятствия ей чинить примется.

В стекло стукнула ветка яблони, и Лана вздрогнула от неожиданности. На груди будто камень лежал, от всех этих мыслей было трудно дышать. И ничего удивительного, что утром она проснулась позднее обычного, а на лице отпечатались все следы бессонной ночи. Неприятные следы, тёмные круги под глазами и печальные морщинки, залёгшие у уголков рта. Она остановилась перед зеркалом у лестницы, посмотрела на себя и печально проговорила, обращаясь к своему отражению:

– Сегодня ты выглядишь на свои тридцать. А это только

первый день.

После того, как узнала, что бывший муж по-прежнему проживает на этой улице, выходить из дома казалось опасным приключением. Ещё раз встретиться с ним лицом к лицу, причём неожиданно, желания не было. Лана всё вспоминала его вчерашний визит, как он смотрел на неё, как выглядел после прошедших лет, каким хмурым стало его лицо, когда понял, кто перед ним, и повторения опасалась. Тем более, при свете дня. Тем более, когда у неё тёмные круги под глазами. При воспоминании о тёмных кругах, из косметички был извлечён малюсенький тюбик дорожущего крема, и Лана аккуратно нанесла его на веки. После чего закрыла крышечку и вздохнула. Как она будет жить без столь привычных, но дорогостоящих мелочей? Вот именно при мыслях о «мелочах», которых она лишается, она в панику и впадала. Это больше всего пугало. Жизнь поменяется кардинально, и интуиция подсказывала, что Слава с удовольствием её лишит всего привычного. Просто в отместку. Но в отместку за что?

Словно подслушав её мысли, позвонил Игнатьев. Лана пила чай, стоя у кухонного окна, оглядывая безлюдную улицу из-за занавески, а когда телефон зазвонил, впадала в лёгкий ступор. Ей очень не хотелось разговаривать с мужем. Надеяться на то, что он испугается её отъезда из дома, не стоило, а значит, они будут обсуждать уже не только его решение, но и её. А ей очень хотелось оттянуть этот момент. Но Слава проявлял настойчивость, телефон звонил и звонил, и она

на звонок ответила.

– Где ты? – поинтересовался муж вместо приветствия. – В спа?

Лана обвела взглядом обветшалые стены небольшой кухоньки. На её любимый спа похоже было мало.

– Решила спрятаться от меня в Покровском? – не успокаивался Игнатьев.

– Нигде я от тебя не прячусь, – ответила Лана. – Если бы пряталась, к телефону бы не подошла.

– А, то есть, я благодарен должен быть!..

– Слава, чего ты хочешь?

– Хочу, чтобы ты вернулась. Нужно кое-что обсудить.

– Что?

– Лана, – в его голосе прибавилось нетерпения. – Ты всё отлично понимаешь. Поэтому и уехала. Думаешь, если тебя обмажут шоколадом, все проблемы сами собой рассосутся?

– Нет, я так не думаю. И я не в Покровском.

– А где ты?

– Я уехала.

– В смысле?

– В прямом, Слава. Ты хотел, чтобы я оставила тебя в покое, и я это сделала. Я уехала.

Муж помолчал. Молчал довольно долго и этим беспокоил. Видимо, перебирал в уме варианты мест, которые она могла выбрать для своего убежища. Их было не так много. Это знал он, и знала сама Лана. И именно поэтому она сейчас стояла

посреди кухни дома, в котором не была десять лет.

– Где ты сейчас?

Лана раздумывала над своим ответом, но, в конце концов, решила сказать правду. Она ведь не думает, что Игнатьевкин кинется забирать её из Нижнего Новгорода, правда?

– Я в Нижнем.

– О Господи. – Слава даже рассмеялся. – Ты решила продемонстрировать мне всё, на что способна. Да?

– Думай, что хочешь.

– Лана, я не буду упрашивать тебя вернуться.

– Я этого не жду. Поэтому уехала. Ты должен этому радоваться, дорогой. Я не стану одной из тех брошенных жён миллионеров, которые ходят по знакомым, всяким ток-шоу и жалуются на свою судьбу.

– Ты права, этому на самом деле стоит порадоваться. Но ты же понимаешь, что это ничего не изменит?

– Нет, не понимаю, – неожиданно резким голосом проговорила Лана. – Потому что я попросту не понимаю, что произошло в твоей голове. Но, знаешь, Слава, разбираться мне не хочется. Я слишком долго жила твоими желаниями и проблемами. Тебе захотелось свободы, это твоё право.

– Твоя доброта меня настораживает.

– Я не добрая. Я совсем не добрая. Просто я от тебя устала.

– Ах, вот как!..

– Да. Хочешь развода, значит, будем разводиться.

– Прозвучало, как угроза.

Угроза, так угроза.

– Мой адвокат свяжется с твоим адвокатом, – отчеканила она.

– А у тебя есть адвокат?

– Будет! – выдохнула она в трубку и отключилась. И тут же пожалела о своей несдержанности. Сейчас каждое её слово могло сыграть с ней злую шутку. Но что прикажете делать? Молча принять всё, что Игнатьев с ней сделает, смириться с той судьбой, что он для неё приготовил? Совсем недавно в столице произошёл похожий скандал. Когда всем известный бизнесмен, человек обеспеченный, можно даже сказать, что богатый, решил поменять жену, с которой прожил не один десяток лет, на более молодую, наверное, более привлекательную, по крайней мере, для него. И просто выставил жену из дома. Даже не так, не впустил её обратно, когда она вечером вернулась из города. Лана прекрасно знала эту семью. Да, они не дружили, и даже не притесствовали, но были знакомы по официальным приёмам и мероприятиям. И ей было жутко неловко даже по телевизионным передачам наблюдать за чужим унижением. Показывали ссору с охранниками, которые не пропускали автомобиль законной хозяйки на территорию дома, показывали её саму на скандальном ток-шоу. И люди, незнакомые люди, вместо того, чтобы посочувствовать, с упоением обсуждали чужую личную жизнь и ошибки, да ещё давали советы. А виновнице

передачи приходилось улыбаться через силу, держать голову высоко и не позволять себе разрыдаться. А всё ради мифической возможности добиться хоть какой-то справедливости. Алиментов на собственное содержание. Словно она старая вещь, не способная позаботиться о себе самостоятельно. И это ставилось ей в вину. А ведь она на самом деле не способна, просто потому, что лучшие годы своей жизни, своей молодости потратила на мужчину, которого любила, которому доверяла, и была уверена, что встретит с ним старость. Она занималась исключительно его удобством, комфортом, домом и воспитывала его детей. А потом оказалась не нужна. И невозможно объяснить, что у неё не было времени заниматься собой, не было желания и причин, чтобы подозревать любимого мужа в возможном предательстве и что-то утаивать от него на чёрный день. В общем, поплатилась за свою доверчивость. И Лана очень не хотела оказаться на месте той знакомой, сидеть перед камерами и на всю страну оправдываться в том, что она была хорошей женой, но её супруга всё равно в ней что-то не устроило. Видимо, она недостаточно старалась. Так?

Она сжала руку в кулак и приказала себе не плакать. А ещё ей необходимо нанять адвоката.

Иван не сразу поймал себя на том, что нервно барабанит пальцами по столу. Это уже больше походило на нервное расстройство. Только этого не хватало. Вчерашний обед в мэ-

рии не смог вывести его из себя, да и вообще бизнесом он руководил спокойно, без лишних эмоций. И всегда гордился своей выдержкой. Но выдержка не работала, когда дело касалось его бывшей жены. И понимание этого ещё больше выводило из себя.

Какого чёрта ей пришло в голову вернуться?

Он этого не ждал, никак не ждал.

Прохор, сопя, подошёл, и всей тяжестью плюхнулся ему на ногу. Иван недовольно на него покосился, но прогонять мопса не стал. Откинулся на спинку стула, пустым взглядом уставился в экран телевизора, но выпуск новостей его сегодня никак не интересовал. Мысли были далеко, и совсем не радовали. Он всё пытался понять, зачем Лана вернулась. Вернулась и что-то делает одна в старом доме. Приехала продавать собственность? Сомнительно. Ей незачем заниматься подобными мелочами самолично.

Он пытался мыслить рационально, понять причины и найти объяснения, но память услужливо подсовывала ему воспоминание о той минуте, наверное, прошла всего минута, когда Лана открыла входную дверь, и они оказались лицом к лицу. И он, Иван Сизых, который явился в старый дом, готовый решать проблемы и недоразумения, с кем угодно, кроме неё, застыл, как глупый подросток. Когда в последний раз он чувствовал себя настолько глупо? Сколько лет с тех пор прошло? И надо признать, что в первый момент он жену не узнал. Не потому что она сильно изменилась, повзрослела

или похорошела, просто сознание с данным фактом не справилось. Он просто смотрел на неё и не понимал. Не понимал, как такое могло случиться, и что она здесь делает. В шаге от него, лишь руку протяни.

Конечно, руку он протягивать не стал, и даже не хотел этого. Когда осознал, кто перед ним, больше всего на свете захотелось захлопнуть эту дверь, и больше Ланку не видеть. К чему ему такие проблемы, правда? А от неё будут проблемы, обязательно. Просто потому, что она – это она, и он рядом с ней немного дуреет и перестаёт себя контролировать. Свои эмоции, чувства. Это давно забытые ощущения и проблемы. Прошёл не один год после их развода, когда он пришёл к выводу, что их расставание было благом. Скорее всего, для них обоих. Ну, невозможно жить с человеком, от которого тебя трясёт. Трясёт от того, как ты его хочешь, трясёт от того, как он смотрит и улыбается, а уж от ваших ссор попросту колотит. В итоге нервная система сдаётся, и ты превращаешься в неврастеника. Из-за этого рухнул их брак, потому что они оба это чувствовали, и жили в этой агонии. Но чего Иван не представлял, так это того, что эта ненормальная реакция жила глубоко внутри него все эти годы. Он ведь искренне верил, что вылечился, успокоился, что стал другим человеком. Повзрослел, по крайней мере, и ни разу после Ланы не встретил женщину, на которую реагировал бы столь бурно. А их было немало. Это так, для сведения и самоуспокоения.

Но надо признать, что Шохин был прав, когда говорил,

что Лана за прошедшие годы похорошела. Из девочки превратилась в женщину, настоящую красавицу. И даже не сказать, что повзрослела, скорее, расцвела, как роза. И её красота кажется неприступной. Иван помнил, что всю ту минуту, что они стояли в метре друг от друга, он смотрел, и глаз отвести не мог. Не сразу осознал, что перед ним бывшая жена, лишь впитывал её облик. Светлые волосы, идеальный овал лица, манящие губы, и глаза... вот когда он посмотрел ей в глаза, тогда и понял, кто перед ним. Его сознание будто включили, его окатило жаром изнутри, он задохнулся и практически тут же разозлился. Злость вспыхнула, как спичка, и будто не было последних десяти лет. Он вспомнил всё. И страсть, и ссоры, и безумную злость и безысходность от её отъезда. Да, наверное, он сам во многом виноват, многое сделал неправильно, где-то повёл себя или отреагировал не так, не по-взрослому, так скажем, но он тоже был молод. И горяч. И безрассуден. Но он же не сбегал!

Надо быть честным, он не мог простить ей именно бегства. Что Лана тайком собрала чемодан, и наутро её уже не было, она упорхнула в Москву. А он злился, но смеялся и не верил, потому что ждал – она вот-вот вернётся. Какая Москва? Она не любила столицу, всегда его в этом уверяла. А потом взяла и переехала именно туда, устроила свою жизнь. Ладно, этого он тоже простить не мог. Что нашла себе олигарха, и зажила счастливо и в достатке. Правильно, зачем было ждать, терпеть, поддерживать молодого мужа, ко-

торый ещё неизвестно кем станет, повзрослев, если можно найти себе выгодную партию? С её красотой и её упорством, неудивительно, что ей удалось воплотить в жизнь мечту миллионов девушек – выйти замуж за миллионера!

Вячеслав Игнатьев был наследником солидного бизнеса. Иван ненавидел себя за это, но, однажды узнав, кто сменил его в звании супруга, стал собирать информацию. По крупицам, не проявляя особого интереса, тайком от родителей и друзей, но он не пропускал новостей об Игнатьеве. Ланой не интересовался принципиально, закрывал семейные фото в журналах, не хотел видеть её лицо... Не хотел видеть бывшую жену счастливой и довольной рядом с другим, а деловую информацию собирал. Да это было и не трудно, об Игнатьевых много писали. Он знал, насколько эта семья состоятельна, удачно ли расширяет бизнес, что настойчиво продвигает свою продукцию на азиатский рынок. И, надо сказать, вполне успешно. Игнатьев обменивался рукопожатиями с японскими партнёрами, улыбался в камеру на экономических форумах, и хвастался успехами. Это тоже злило. Потому что всё это досталось ему от отца, Вячеслав просто перехватил эстафетную палочку, и знать не знал, каких усилий требует любое начинание. С нуля. Иван порой думал обо всём этом, снова злился, но высказать свои мысли и раздражение было некому. Это было тайной, и похоронено им самим глубоко в душе. Наружу поднималось лишь в моменты особой злости или под действием хорошей дозы алкоголя.

А вчера, увидев Лану, выплеснулось наружу волной, и теперь Иван не знал, понятия не имел, как загнать эту лавину обратно или хотя бы сдержать. До того момента, пока бывшая жена не вернётся в столицу, в свою привычную жизнь. На это не потребуется много времени, по крайней мере, он себя так успокаивал. Нужно лишь переждать, и постараться больше с Ланой не встретиться. А это не так уж и трудно, их разделяет высоченный забор.

За этим самым забором вдруг засигналили, и Сизых всерьёз насторожился. Правда, в следующую секунду назвал себя параноиком и отправился к экрану видеокамеры, узнать, кто к нему пожаловал с утра пораньше. Пожаловала Леся. И в этом не было ничего удивительного, раз вчера он проди-намил её и с ужином, и с обедом, но всё же внесло в жизнь некоторую сумятицу. В данный момент он не был уверен, что его сознание справится с двумя женскими образами и характерами. Но не притворяться же, что его нет дома, правда? Это уж попросту глупо. И даже как-то трусовато. Ворота он открыл, юркий фиолетовый «Рено» въехал по гравиевой дорожке на территорию дома, и Иван направился ему навстречу. И даже нацепил на лицо некое подобие приветливой улыбки. Приблизился к автомобилю, а сам зачем-то выглянул на улицу, пока ворота не успели закрыться. Интересно, чего он ждал, что Лана за забором и подсматривает? – Ваня, что у тебя случилось?

Леся вышла из машины, и сразу начала с обеспокоен-

ных вопросов. И пока Сизых хмурился, пытаясь сообразить, что у него могло случиться помимо идиотских переживаний о прошлом, она схватила его за подбородок и принялась вглядываться в его лицо.

– Ты заболел?

– С чего ты взяла?

– Как с чего? Ты не появился на работе.

От её руки на своём лице он аккуратно избавился, поскрёб в задумчивости небритый подбородок.

– Я не заболел. Просто проспал.

– Проспал? – Леся с облегчением выдохнула, а её лицо тут же озарилось улыбкой. – А я переживала. Позвонила Ире, а она говорит: нет, не приехал, и не звонил, и телефон выключил. Что я должна была подумать?

Действительно, что она должна была подумать? Может то, что он взрослый мужик, особо никакими обещаниями и клятвами не связанный, и у него могут быть свои дела и тайны? А она приехала к нему домой без звонка. Ах да, он же отключил телефон. Но всё равно!..

Иван заглянул любовнице в глаза. Порой ему чудилось во взгляде Леси нечто, что не делало её такой уж безобидной и всепрощающей. Но это так быстро исчезало, что он каждый раз начинал сомневаться в том, что успел заметить.

– Ты завтракал?

– Кофе пил.

– Я приготовлю тебе омлет. – Леся с лёгкостью подхвати-

ла его под руку, и они вместе направились к крыльцу. Им навстречу выскочил Прохор и на радостях даже решил тявкнуть. Он редко подавал голос, получалось у него не очень, нечто тягуче-неловкое, Прохор, возможно, сам своего несуразного тявканья стеснялся и тут же замолкал. Вот и сейчас вывалил язык и взволнованно задышал, глядя преданными глазами на гостью. Всё-таки мопс – это неполноценная собака, в который раз решил для себя Иван, аккуратно обходя этот бочонок, обтянутый шерстью. А Леся с псом тут же засюсюкала:

– Проща, мой хороший. Папа и тебя забыл покормить?

Иван уже не раз говорил ей, что его несколько раздражает, когда она обзывает его родителем этого нелепого создания, но Леся лишь смеясь, отмахивалась. И говорила, что Проща необыкновенно милый. Да никто и не спорит, но причём тут он?

С экрана телевизора шёл обзор экономических новостей. Решив смириться с изменившимися обстоятельствами, Иван вернулся на свой стул, вытянул ноги и уставился на экран. Леся запорхала по кухне, как истинная хозяйка, что-то щебетала, наверное, рассказывала что-то безумно интересное, а Иван никак не мог сосредоточиться.

– Ваня, у тебя пустой холодильник. Родители уехали только вчера, как такое может быть?

– Я обещал, что съезжу в магазин.

Леся напоказ закатила глаза.

– Ты съездишь!

– Конечно, съезжу. Вечером. Ещё мамина каша не съедена.

– Кашу я отдала Проше.

– Мама бы тебя похвалила, – пробормотал Сизых, с непонятным равнодушием наблюдая за тем, как Леся играет в хозйку на кухне его матери. Хотя, не за её действиями он наблюдал, а за самой Лесей. Ему неожиданно пришло в голову, что она внешне чем-то похожа на его бывшую жену. Блондинка, голубоглазая, хрупкая, улыбается приятно. Схожесть внешняя, но и это открытие вызвало панику. Почему он раньше не замечал?

От этих параноидальных мыслей следует избавляться.

А Леся подошла к нему и обняла. Прижалась щекой к его щеке, и что скрывать, стало тепло и приятно. Иван выдохнул, надеясь, что напряжение его оставит, и погладил женщину по бедру. Леся улыбнулась и потрепала его по и без того взъерошенным волосам.

– Ты просто вымотался, – сказала она. – В последнее время работал по четырнадцать часов.

Иван вздохнул.

– Может быть.

– В субботу на ужин к Шохиным идём? Они приглашали.

Иван голову повернул, когда Леся вернулась к плите.

– Откуда ты знаешь?

– Вчера встретила Нину у косметолога. Она пригласила,

лично.

Сизых обдумывал, но Леся так смотрела на него, с таким ожиданием, что ему ничего не оставалось, как улыбнуться и сказать:

– Конечно. Раз Нина сама приглашала...

Кажется, Нине не терпится его женить. И усердствует она больше, чем его собственная мать. Пока он над этим раздумывал, Леся потрепала его щеке.

– Ты бриться собираешься? Или решил весь день лениться?

Вздохнул.

– Даже если бы хотел, вряд ли получится. Надо на работу. – Из-за стола поднялся. – Я в душ.

– Завтрак будет тебя ждать! – почти пропела Леся у него за спиной. Её воодушевление этим утром несколько напрягало.

Леся хорошая. Иван думал об этом и в душе, и пока завтракал. Пышный омлет таял во рту, это должно было приносить удовольствие и закладывать в его голову определённые мысли, а Ивану приходилось буквально силой отгонять утренние раздумья о бывшей жене, чтобы сосредоточиться на женщине, которая в данный момент находилась рядом. Леся всегда была рядом, в любой момент, когда ему этого хотелось или было необходимо. Она его любила, она его хлила и лелеяла, готова была уделять ему всё своё свободное время, поддерживать, и, наверное, была идеальной женщи-

ной. И ему без сомнения повезло, что он её встретил. Но почему-то никак не получалось прирасти к ней именно душой. И приходилось заставлять себя анализировать её достоинства и просить себя о них не забывать. А как бы хотелось просто взять и переключиться. На прекрасную Лесю, влюбиться, как в юности, жениться, завести с этой женщиной детей и последующие долгие годы наслаждаться уютом и комфортом, который она ему обеспечит. А она обеспечит! Леся безумно деловая и домовитая, рядом с ней любой нормальный мужик душой и сердцем оттаёт. А он, по всей видимости, ненормальный. Раз вся эта суeta и беспокойство о его благе порой начинают раздражать. Неужели хочется повторения пройденного, когда ему в голову летали чашки, тарелки, а однажды даже мамина ваза? Он тогда злился, выходил из себя, но при этом чувствовал безумный душевный подъём и желание. Схватить, прижать к себе, заглянуть в глаза и понять, что вся эта страсть только для него.

Но, безусловно, это лишь воспоминания о бурной молодости, в тридцать с лишним лет он не стал бы подобного терпеть, а уж тем более радоваться. В его возрасте нужна стабильность, ясность, и никаких взлётов и падений.

Когда они с Лесей всё-таки покинули дом и выехали за ворота, Иван невольно напрягся. Вполуха слушал Лесю, лишь краем сознания отметив, что она оставила свою машину у его дома, а значит, вечером собирается вернуться. А взгляд сам собой искал вокруг причину беспокойства. И лучше все-

го, если бы он проехал мимо старого дома бывшей жены, и ничего не увидел. Ни открытых окон, ни света в них, а уж тем более её саму. Но как специально, Лана стояла на крыльце, с чашкой в руках, смотрела на небо и шурилась. Иван невольно вжал педаль газа в пол, и автомобиль рывком понёсся вперёд. Леся схватилась рукой за приборную доску, взглянула непонимающе.

– Ваня, ты что?

– Извини.

– Вечером съездим в магазин вместе, – сказала Леся, когда он подвёз её к торговому центру, в котором располагался её главный и любимый магазин. Окинул взглядом обновлённую вывеску магазина подарков на стене торгового центра, похвалил за предприимчивость и необычность, от чего Леся просияла. И по поводу вечернего похода в супермаркет спорить не стал, знал, что бесполезно. – Заберёшь меня в шесть?

Сизых пообещал, и даже улыбнулся широко и открыто. Вот только переступив порог собственного офиса, вместо приветствия, мрачно глянул на любимого секретаря.

– Ира, срочно узнай, выставлен ли на продажу восьмой дом на моей улице. Узнай немедленно.

Ира подула на только что покрашенные ногти, а смотрела на него, серьёзно и изучающе. Кивнула.

– Узнаю. А если выставлен?..

– Внеси задаток. Цена не важна.

Он купит этот чёртов дом, лишь бы больше не видеть его

хозяйку. И жить спокойно.

Через час Ира заглянула в его кабинет и пожала плечиком.

– Нигде данных о продаже нет.

Иван ругнулся вполголоса. И вслух посетовал:

– И что ей тогда здесь нужно?

– Кому? – Ира искренне заинтересовалась, видимо, отметила его нервное состояние.

Иван откинулся на спинку кресла, и даже ногой оттолкнулся, откатился к окну. И хмуро проговорил:

– Моей бывшей жене.

Ира открыла рот от удивления, совершенно не собираясь сдерживать своего любопытства. В кабинет вошла и прикрыла за собой дверь, на начальника уставилась во все глаза. И в порыве чувств перешла на «ты», что позволяла себе крайне редко.

– Твоя бывшая приехала? Ты же говорил, что она в Москве живёт.

– Живёт, – тут же разозлился Сизых. На себя разозлился, на Лану, на всю эту нелепую ситуацию в целом. – Должна жить. Но её какой-то чёрт обратно принёс! И мало того, она поселилась напротив меня! Скажи, что это ненормально!

– Ненормально. Если ты так реагируешь.

Иван кинул на молоденькую секретаршу пронзительный взгляд.

– Поучи отца, поучи.

Ира усмехнулась, развела руками.

– Но это, правда, странно. Ты развёлся с ней Бог знает сколько лет назад.

– Ты, наверное, тогда ходила в третий класс, – съязвил он. А Ира взяла и согласилась.

– Наверное. А ты не спрашивал, может, ей больше негде жить?

– Ира, у неё муж – олигарх.

Ирин взгляд вспыхнул любопытством и интересом с небывалой силой.

– Серьёзно? А кто?

Иван выдал ехидную улыбку.

– Не скажу. – И кивнул на дверь. – Иди, работай.

– Иван Владимирович!..

– Иди.

Ира скроила обиженную мордашку, но за дверь вышла.

С настроением никак не удавалось справиться, и Леся, когда он заехал за ней вечером, сразу это отметила. И даже осторожно поинтересовалась:

– Ты чем-то расстроен?

– Да так, ерунда.

– Что-то на работе?

Иван поначалу неопределённо дёрнул плечом, но почти сразу понял, что такой уход от ответа Лесю вряд ли удовлетворит, и попытался придумать достойное оправдание.

– В Администрации давят, насчёт этого спортивного центра. Пытаюсь решить, как поступить. Точнее, как их поизощ-

рѐнное послать.

– Администрацию посылать нельзя, ты же знаешь.

– Знаю, – вполне искренне вздохнул Сизых. – Поэтому и думаю, как вывернуться.

– А Костя что говорит?

– Костя говорит, что спорт – это будущее нации, что нужно думать о детях, а не только о деньгах. И думаю, ты понимаешь, кто за него эти правильные мысли озвучивает.

Леся улыбнулась.

– Догадываюсь.

– Вот-вот.

– Ты тоже прислушиваешься к Нине?

– Слава Богу, она не моя жена.

– То есть, ты к своей жене прислушиваться не будешь?

– В вопросах бизнеса? Если только женюсь на министре экономики.

Леся аккуратно разгладила юбку на коленях. Вздохнула напоказ.

– Я не министр экономики, мне не повезло, – проговорила она негромко, но зато с намёком. И этот намёк был настолько ощутим и осязаем, что Иван невольно кашлянул в смятении. И чтобы хоть что-то сказать, брякнул:

– У тебя полно других достоинств.

– Что ж, этому я рада. Сверни к магазину.

В гипермаркете неподалёку от их улицы вечерами жизнь кипела. На стоянке полно машин, перед кассами полно поку-

пателей, Иван не слишком любил магазины, считал их необходимым злом. Если бы приехал один, покупки заняли бы не больше двадцати минут. Но когда ты с женщиной, это нудное действие растягивалось на час. И то, если серьёзно повезёт. У Леси, как выяснилось, был с собой целый список необходимых ему – по её мнению! – продуктов, и всё равно потраченного времени это не убавило. Они ходили между стеллажами, Леся расписывала ему меню на неделю, по всей видимости, отъезд его родителей в отпуск её небывало воодушевил. Она собиралась готовить для него каждый день. А для этого необходимо жить с ним всю неделю, или он что-то не так понимает? Но кто будет спорить, отнекиваться и за-верять, что не нуждается в заботе любимой женщины, да ещё посреди огромного магазина? Поэтому Иван послушно следовал за Лесей, толкал перед собой тележку, пытаясь не унести-сь в своих мыслях слишком далеко от насущного и происходящего. Но к действительности его вернула всё же не Леся. Он неожиданно увидел Лану, она шла им навстречу, с такой же тележкой, а Сизыху при виде неё стало жарко, дурно и муторно одновременно. Захотелось швырнуть что-нибудь на пол и в сердцах поинтересоваться: кто же его про-клял на этом свете?!

Он притормозил, Леся прошла вперёд, разглядывая упаковки итальянских спагетти, а Иван смотрел на бывшую жену, понимая, что она его заметит уже в следующую секунду. И вдруг понял, что ждёт этой секунды с интересом и нетер-

пением. И даже мимику пытается предугадать. Вчера он видел Лану всего минуту. Минуту, после десяти лет. И всё равно запомнил ледяной взгляд, вскинутый подбородок, плотно сжатые губы, свидетельство того, что ей неприятно его видеть. И вот сейчас она повернула голову, наткнулась взглядом на его лицо, и, кажется, в первый момент задохнулась. Вся подобралась, вскинула голову, расправила плечи, а глаза впились в его лицо. Но взгляд был не горящий, как когда-то, а ледяной. Она смерила его этим взглядом, затем взяла и оглянулась на Лесю. А когда обернулась к Ивану, тот наградил её ехидной улыбкой. Лана едва слышно фыркнула и толкнула тележку вперёд. Не повезло в том, что это едва слышное фыркание, услышала, а может, по-женски почувствовала Леся. Отложила упаковку спагетти, и на Лану взглянула, непонимающе. Затем на Ивана посмотрела. А тот взял и закатил глаза. Вот в чём, в чём он виноват? А ведь все шишки посыплются на него, никак иначе.

– Твоя знакомая? – с предельной осторожностью подбирая слова, поинтересовалась у него Леся.

– Знакомая, – согласился Иван после короткого обдумывания. А затем взял и признался: – Бывшая жена.

Леся смотрела на него во все глаза. Лана уже была достаточно далеко, слышать их никак не могла, и Леся уставилась ей вслед. Затем переспросила:

– Это твоя бывшая жена? – Увиденное ей явно не понравилось и совсем не обрадовало. Она смотрела и смотрела Ла-

не вслед. – Но я думала, что она...

– Я тоже думал, – довольно резко перебил её Иван. И поторопил: – Тебе ещё что-то нужно?

– Да... – Леся не сразу сумела собраться с мыслями. – Нужен хлеб.

Сизых деловито кивнул.

– Пошли за хлебом.

Лану в очередной раз заметил на стоянке. Она собиралась ехать домой на такси, водитель услужливо укладывал пакеты с покупками в багажник, а она стояла рядом, с видом королевской особы и посматривала по сторонам с равнодушным видом. Иван донёс свои пакеты до машины, положил их на заднее сидение, стараясь не встречаться взглядом с притихшей Лесей. Та, видимо, тоже Лану заметила, и теперь наблюдала, то за ней, то за ним, пыталась проанализировать ситуацию. А Иван ещё взял и попросил:

– Подожди меня в машине. Я на минуту. – И направился к такси. То есть, не к такси, конечно, а к бывшей жене, но легче было думать, что к такси.

Лана заметила его приближение, но постаралась вида не подать. Будто всерьёз ожидала, что он не к ней направляется, мимо пройдёт. Но Иван не прошёл, остановился рядом. И впервые за долгие годы произнёс её имя.

– Лана.

Она повернула голову, кинула короткий взгляд. Затем вежливо кивнула.

– Здравствуй.

Подобной формальности Иван удивился, но тоже поздоровался.

– Здравствуй. – И решил сразу перейти к делу: – Я хочу купить твой дом.

Она моргнула, заметно растерялась. Но только в первый момент. Тут же собралась и каменным голосом оповестила:

– Мой дом не продаётся.

– Тогда зачем ты приехала?

Лана рванула ручку двери автомобиля, разозлившись на бывшего мужа за бестолковое предложение. К тому же отлично видела, что у его машины стоит блондинка и за их общением внимательно наблюдает. И от этого ещё более рассерженно и возмущённо проговорила:

– Не твоё дело!

Иван упёр руки в бока, зло наблюдая за бывшей женой, как она садится в такси, намеренно отворачивается от окна, чтобы его не видеть, а автомобиль трогается с места.

– Что она сказала? – спросила Леся, когда он вернулся.

– Что она по-прежнему невыносимая, упрямая девчонка, которая не знает, чего хочет! – выдал он на одном дыхании и резко повернул ключ в замке зажигания. – Гордячка.

Леся промолчала, а он и не заметил. Был занят своими мыслями и возмущением, и не обращал внимания на изучающие взгляды, что она кидала на него. Когда они свернули на улицу, такси попало им встреч, и, конечно же, прекрас-

но видели Лану на крыльце, как она отпирала входную дверь, и на звук проезжающего мимо автомобиля, не обернулась. Зато Леся удивилась, неприятно.

– Она живёт здесь?

Иван в сердцах взмахнул рукой.

– Она пробудет здесь недолго. И давай оставим эту тему, пусть делает, что хочет.

Несмотря на то, что Лесе он предложил не думать о Лане, попросту выбросить из головы сложившуюся ситуацию, с собой поспорить или что-то себе приказать и посоветовать, было куда труднее. Иван не находил себе места, и, в конце концов, решил унять душевную маету бокалом виски. И молчаливой этим вечером Лесе предложил.

– Выпьешь?

– Вина, – согласилась она.

Он вернулся на кухню с бокалом вина для неё, посмотрел на накрытый стол, и приказал себе расслабиться. Немедленно. Включил телевизор, потянул носом головокружительный запах жареного мяса, сел и решил, что всё не так уж и плохо. А Лесе сказал:

– Не думай ни о чём плохом. Я всё устрою.

Она улыбнулась ему.

– Я знаю.

Он кивнул. Поднёс бокал к губам, перевёл взгляд на экран телевизора. С него смотрел Вячеслав Игнатьев. Во рту появился горький, неприятный привкус. Необходимо было за-

глушить его виски.

– На фоне удачно проведённой сделки, – проговорил ровным голосом ведущий, – сегодня пришли неутешительные новости о личной жизни Вячеслава Игнатьева. Как заявила его пресс-служба, Вячеслав Дмитриевич и его супруга приняли обоюдное решение развестись. Ещё один несокрушимый и идеальный на первый взгляд брак распался. Очень жаль.

Иван, который как раз успел сделать глоток виски, поперхнулся и закашлялся. До слёз.

Фрося позвонила прежде, чем закончилась передача, где ведущий будничным голосом сообщил, а также и посочувствовал на всю страну по поводу развода Игнатьевых. Лана предыдущие пять минут слушала с колотящимся сердцем, правда, даже не позволила себе сделать судорожный вздох. Смотрела на улыбающееся лицо мужа на экране, знала, что фото минимум двухлетней давности, но его улыбка всё равно казалась издёвкой. Вот и всё, он объявил о предстоящем разводе во всеуслышание. Не поинтересовавшись её мнением, и готова ли она морально к самой процедуре развода. Он не даёт времени на обдумывание ни себе, ни тем более ей. Правильно, зачем? Можно ведь и передумать, и тогда он так и останется связанным ненужным ему браком.

Лана выключила старенький телевизор, а в следующий момент зазвонил телефон. В первую секунду решила, что это Слава. Но на экране появилась фотография Фроси, и это принесло небольшое, но разочарование. Чувствуя серьёзную растерянность, Лане очень хотелось сделать пару шагов назад. Чтобы кошмар прекратился, чтобы она через мгновение оказалась в своём доме, в своей спальне, большой и светлой, и привычно планировала бы мероприятия на следующую неделю. Да, да. Она ругала себя за то, что поддалась эмоциям и уехала из Москвы. Из своего дома. Если бы она

этого не сделала, глядишь, никакого объявления о разводе сегодня не случилось. И они со Славой, вполне возможно, смогли бы договориться, помириться, найти какой-то компромисс. А своим отъездом, она дала ему полную свободу действий.

– Я хотела быть смелой, – сказала она Фросе.

– Ты смелая, – с присущей ей горячностью, принялась заверять её подруга. – Ланочка, ты самая смелая. И это не он тебя бросил, а ты его! Так ему и надо! Он ещё опомнится, вот увидишь.

Лана закрыла глаза. В старом доме было тихо, и кроме её дыхания никакого звука. Это пугало.

А Фрося ещё осторожно переспросила:

– Лана, ты передумала?

– Я не могу передумать, кто мне позволит? Просто... Фрося, здесь всё не так, как я помнила.

– В смысле?

– В смысле – всё! – Лана всё-таки взволнованно выдохнула. – Я, конечно, себя успокаиваю, но я не знаю, что делать. Дом разваливается, моя жизнь разваливается, брак уже рухнул.

– А дом насколько старый?

– Его легче снести и построить новый, чем отремонтировать этот.

Фрося в задумчивости хмыкнула, после чего признала:

– Это плохо. Может, вернёшься в Москву?

– И что я буду там делать? Сидеть у тебя на шее? Прости, я не могу. А на работу меня никто не возьмёт. Лану Игнатьеву никто не возьмёт на работу! Да и что я умею?

– Ты будешь моим администратором! Здорово я приду-мала?

Лана печально улыбнулась.

– Спасибо, дорогая. Но это не выход. Слава рассмеётся мне в лицо. А потом заявит в суде, что я не имею ни материальных, ни моральных основ для воспитания дочери. Мне нужно быть как можно дальше от него. Чтобы он сосредоточился на своей новой, прекрасной жизни и о нас с Соней забыл.

– Он не может забрать у тебя ребёнка. Ты мать.

– А он её законный отец. Уже много лет. Он её содержит, Фрося. Не я.

Та пренебрежительно фыркнула.

– Всегда считала это странным. И тебе советовала обратить на это внимание. Вспомни. После скольких лет в браке с тобой, он соизволил дать ребёнку свою фамилию. Разве мужики так поступают?

– Ты же знаешь, почему он этого не делал.

– Да, мамочка была против. Лана, он маменькин сынок! – Из уст Фроси это прозвучало, как ругательство.

– Но он любит Соню. И она его любит. Я не могу с этим спорить.

– А нечего спорить! Послать куда подальше! Пусть ему

дизайнера его детей рождает.

– Не родит, – тихо проговорила Лана. А Фрося ещё больше возмутилась.

– Вот именно! Так что, думал бы головой, а не другим местом!

– Он будет драться за Соню.

Фрося сплюнула с досады. Затем принялась Лану уговаривать:

– Не переживай. Мы что-нибудь придумаем. Не отдадим мы ему Соньку. Он её не тому научит, никаких моральных принципов у человека. Как выяснилось.

– Через неделю она возвращается из лагеря. А меня даже в Москве нет.

– Мы что-нибудь придумаем, – снова заверила её Фрося. И попросила на прощание: – Не вздумай реветь.

– Не буду...

В слезах, на самом деле, не было никакого резона. Лишь повод почувствовать себя ещё более слабой и жалкой.

Все три дня, что Лана провела в доме, были наполнены домашними делами. Стало ясно, что ей здесь жить, и не только ей, но и дочь придётся привезти сюда, другого выбора попросту нет, а поэтому необходимо было навести порядок. Хотя бы, видимый. Конечно, до конца лета ещё несколько недель, и можно было бы отправить Соню к бабушке в Ярославль. Но, во-первых, Лана не считала, что скрывать от ребёнка изменившиеся обстоятельства долго, хорошая идея,

Соня должна успеть привыкнуть и адаптироваться в новых условиях, а, во-вторых, мама тоже пережила болезненный развод, совсем недавно, и нельзя было сказать, что штамп в паспорте о расторжении брака много поменял в её отношениях с мужем. Анатолий Петрович, на данный момент, являвшийся бывшим отчимом Ланы, был для её матери светом в окне последние десять лет, чего она, как, может быть, ревнивый ребёнок, несмотря на свой возраст, никак не могла понять. Ничего особенного, на её взгляд, в Анатолии Пронине не было, чтобы так по нему убиваться. Но мама страдала, любила, и к этому следовало относиться с должным уважением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.